

Руснак А.

ОТСУТСТВИЕ
ОСНОВАНИЙ

Опыт
странного мышления

Часть I

12+

А. Руснак

Отсутствие оснований. Опыт странного мышления. Часть I

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65303801

SelfPub; 2021

Аннотация

В работе представлено рассуждение о странном мышлении, о сильном мышлении, традиция которого теряется в веках. В этой части речь пойдет о специфических основаниях, а также об их отсутствии при попытках обнаружения их каким-либо слабым способом; об особой адекватности или неадекватности, о слабоумии, о включенности в безумие, то есть обо всем том, что проистекает из такого тотального отсутствия оснований в этом происходящем; о различном специфическом мышлении или обо всем том, что скрыто находится за различными явленными беседами и даже за всей этой беседой об основаниях. Язык и слова в работе применяются специфическим образом, что требует определенной подготовки для понимания и раскрытия сути текста. Публикуется в авторской редакции. Текст не обладает никакими особыми эзотерическими свойствами. Все высказанное – это только личное мнение автора, причем оно может меняться в зависимости от вновь приобретаемого опыта.....

Содержание

Предварительное замечание	5
Однообразии наличного плана бытия	18
Обыденное мышление	28
Обнаружение мышления и особого мышления	37
Что такое философия?	40
Направление и содержание философского разговора	53
Выявление особой шизофрении	64
Бесполезность философии (и другого) в качестве какого-то ремесла, в качестве обычного способа производства прибавочного продукта	72
Отсутствие действительных оснований	76
Неадекватность	86
Стремление понять все	95
Бесполезные вопросы	98
В бреду	117
Бытие на границе небытия	129
Противоречия и неразрешимые проблемы	135
3. Другие вопросы	142
Гул произошедшего, эхо древних разговоров	142
Что-то о Гурджиеве	148

А. Руснак

Отсутствие оснований.

**Опыт странного
мышления. Часть I**

Предварительное замечание

Необходимо констатировать, что разговор о некоем особом мышлении и «разговор о странности присутствующего бытия» или «разговор об основаниях в современности» (XXI в.) фактически отсутствует. Считается, что такой разговор преодолен, а все предыдущее такое мышление – это только памятник какой-то древней мысли, но так ли это?

Мышление, остановленное древними греками, жившими в эпоху полисов, великие имена которых известны всем, в итоге отразившееся в так называемой эпохе эллинизма и затем ставшее стержнем греко-римской цивилизации, а в последующем преобразившееся в структуры христианского мышления и нашедшее свое выражение в последующем в новоевропейской или новой греко-римской цивилизации и далее – через различные мыслительные перипетии, происходит и в современности...

Стоит отметить несколько основных современных (XIX–XX в.) течений и тенденций дальнейшего движения такого мышления.

– *Позитивизм* второй половины XIX века и первой половины XX века и все последующие за этим.

Так называемый *диалектический марксизм*¹ или некий на-

¹ Гегель тут ни при чем.

учный материализм, который можно понять в качестве определенного ответвления позитивизма, эволюционно выродившийся в материалистическую кабинетную схоластику и...

Параллельно такому, начиная с 60-х годов XX века, развивалась определенная научно-логическая методология, но такое мышление не может преодолеть сложности любого позитивистского мышления (управленческая методология, системо...). И такому противостояло другое мышление, пытавшееся скрыться за занавесом некоей научности, некоей истории философии, но по происхождению оно все же являлось другим (Мамардашвили, Пятигорский).

– *Экзистенциальная философия* (Шопенгауэр, Достоевский, Кьеркегор, Шестов), в итоге выродившаяся в некое пост-пост мышление во второй половине XX века...

– Различные кризисы мышления, различное вырождение мышления... и сюда же можно отнести и все пост неомарксистские направления и другое...

И тут можно спросить о неотоцизме, философии жизни, персонализме, прагматизме и другом, но представленная классификация движения мышления – это определенное упрощение, которое мало что говорит о многом происходившем, то есть в предыдущие два века происходившее это значительность², и для раскрытия такого, а также и кризисных тенденций современного не-мышления необходимы другие

² Ницше, Фрейд, Юнг, Соловьев, Бердяев, Шестов, Гуссерль, Бергсон, Хайдеггер, Жильсон, Маритен, Библер, ...

объемные исследования.

Одна из целей данной работы – это желание показать некоторые содержательности такого мышления, но для полного погружения в такое, конечно же, этого недостаточно. Автор не ставил себе задачу воспроизвести некий историко-философский труд и не пытался следовать условной гуманитарной научности. Слова, используемые в работе, имеют свою специфику. Например слово «мышление» говорит о некоем специфическом напряжении, мышлении в определенном состоянии.

Вторая и основная особенность предложенного разговора – это попытка освежить знание об основаниях, древний и непонятный разговор, какой-то странный разговор для обычного и другого ума.

Что можно, в общем, понять о таком мышлении или мышлении об основаниях?

Для такого мышления нет запретных, маргинальных или каких-то невозможных тем для разговора. Такое мышление в каком-то смысле позволяет проводить опыты, не двигаясь никуда из точки нахождения, и такая «форма опытности» постоянно подвергается критике, показывая некую бесполезность такого мышления. Такой формат, как указывал Б. Рассел, в итоге обесцветил греческое мышление, свел его к какой-то бесполезной этической практике, к морализму..., к чему-то, что не позволило возникнуть какому-то позитивно-

му мышлению, научному мышлению, позволяющему стать глобальным инструментом воздействия на происходящее. И в таком смысле такое мышление – это грандиозный памятник мышлению, но такой памятник – это нечто мертвое, нечто ушедшее, но давшее начало другому, какому-то полезному мышлению Нового времени.

Конечно же, иногда, есть те, кто готов потратить все свое время на изучение такого опыта, такой уже мертвой традиции.

– И такое мышление, в каком-то смысле, может даже быть основанием для всего научного мышления, но, в общем-то – это бесполезность. Но как обстоит дело на самом деле?

– И почему, казалось бы, преодоленное в какой-то момент, оно взрывает всю позитивность и переворачивает все происходящее с ног на голову?

Возможно, что позитивное мышление и другое мышление не знают нечто о себе и о таком мышлении в том числе? Возможно ли, что такое мышление содержит в себе некие тайны, которые позволяют такому не-позитивному мышлению как-то глобально влиять на происходящее?

При этом, а что о таком, о такой тайне может сказать философия в ее историко-философском варианте, которая существует как наука с конца XIX века? Такая «наука» далека от разговоров об основаниях, она констатирует ставшее мышление. Она может говорить о произошедшем мышлении, без возможности понять тот древний произошед-

ший разговор, становясь абракадаброй об абракадабре. И такое историко-философское мышление примитивнее любого выделенного фундаментального мышления, например, какой-то теоретической физики, которая пытается понять свои основания. В некоторых работах о памятниках философской мысли присутствует определенная системология или определенная негативная метафизика³. То есть с ходу предлагается какое-то множество из понятий, связей и конструкторов. И такая голая рациональность предлагается в качестве системной философии, диалектики, науки об..., объяснения философии..., трактовки какой-то системы... Но такие изощрения ума являются такими же конструкторами, как и подобные схемы античных или средневековых умов.

Оценивая действительные возможности позитивной науки, в итоге становится понятным, что некий жизненный (наличествующий) мир⁴ многообразнее научных классификаций, он разнообразней того, чему учат в университетах. Государственная деятельность, управление, экономика, война... ремесло, искусство, свободные профессии..., борьба за власть, распределение ресурсов, господство, катастрофы, усталость от бытия..., молодость, старость..., мудрость, глупость, рождение, смерть..., эта и та сторона... Все такое не подчиняется никаким классификациям. Все многообразие

³ А негативная метафизика в данном контексте – это некое положительное учение о трансцендентном.

⁴ Хабермаса?

индивидуумов и жизнедеятельности намного шире школы, завода, университета... Конечно, только определенная ситуация, эпоха позволяют существовать тем, кто не занят вопросами выживания, кто не превращен в инструмент и имеет возможность посвятить себя творчеству, мышлению, безделью, выбору любого направления..., но только до тех пор, пока его не призовут..., и может оказаться, что «там» никого нет, и что тогда?...

Возможно, в упрощенном значении, без действительного разговора об основаниях такое мышление можно понимать в качестве определенного цикла духовных упражнений⁵, которые позволяют получить другой опыт, не имеющий ничего общего с тем, чему учат в обычных учебных заведениях. В таком смысле можно говорить о таких установках, как сократовские беседы, картезианские медитации, упражнения Лойолы, сны Юнга, точки удивления, методологические сомнения, мысленные эксперименты и т. д. Но все такое – это второстепенность, стержневая суть такого мышления заключается в другом...

В таком опыте мышления даже можно предположить некую последовательность, поэтапность... В такой практике мышления можно предположить какую-то интуицию, некий выход за рамки, выход из себя, выход за границы дозво-

⁵ Как, отрицая такое мышление можно понять Василия Великого, Бонавентуру, Франциска Ассизского, Мейстера Экхарта, Игнатия Лойолу, Мартина Лютера, Якоба Бёме, Гёте, Достоевского, Толстого...?

ленных опытов мышлений-состояний. Такой опыт позволяет увидеть нечто, что было неявным до «включения света», и заметить то, что на самом деле присутствует и какие-то «затемненные ходы мышления куда-то», которые были сокрыты за завесой обыденности, позитивности. Такое мышление в каком-то смысле позволяет определить новый вектор, порвать с тем, что было до этого, начав какое-то новое движение⁶. И действительный мастер такого мышления будет отрицать схоластику, схематизмы, структурализмы и другие установки, которые подменяют мышление и выдают себя в качестве такого мышления. То есть иногда некая внешняя форма, слово-образная логика, некий пафос, высокий голос, словообилие, туманность предполагаются как содержание такого мышления. И такое мышление – это не какой-то мозговой штурм..., метод Дельфи и другие методики, все подобное имеет несколько иное содержание, значение, направление...

Иногда может присутствовать, так сказать, недобросовестность или какой-то обман, шулерство, шарлатанство (это если не давать такому более сильных оценок), то есть могут присутствовать те, кто будет выдавать разное за какое-то сверхмышление-состояние. Сюда можно отнести всякие «практики», «скрытые практики», «курсы успеха», «курсы обнаружения», «общества и сообщества самоутверждения», «собрания самоизлечения», «группы связи с ка-

⁶ Но практика такого мышления не имеет ничего общего с психофилософией..., психоанализом..., общей психиатрией...

ким-то тем», ... позволяющие раскрыть некие возможности духа, ума, памяти, сознания, личности. Сюда также относятся все обыденные разговоры, которые выдаются за какое-то нечто, что почему-то позволяет «понять себя», а затем как-то и куда-то изменить сознание, что как бы позволяет в последующем «достичь» каких-то «успехов, стабильности, сверхуспехов»..., но в чем? Во всем? В господстве над телом, другими, другой реальностью? Получить связи, сверхсвязи, сверхзнания, сверхблагополучие, сверхспособности? Но в итоге в слабом значении все такое – это какая-то бесполезность, глупость, слабоумие, обман, познакомившись с которым у каждого (кто не готов самообманываться) возникает презрительное отношение к любой действительной духовной практике или итоговое ощущение о зря потраченном времени... И необходимо понимать, что никакая духовная практика не является абсолютно безопасным времяпрепровождением... Нужно всегда помнить, что каждый из живущих, прежде всего, происходит как мышление, то есть мышление⁷ – это его конституция, и всегда есть опасность такое мышление сломать, изменить, привести в негодность, сделать его неадекватным (или адекватным в сторону тех, кто пытается сломать ум адепта), непрактичным, инфантильным, слабоумным, обманутым, идиотом, выбывшим, нищим, боль-

⁷ Состояние, чувствование, действие, пребывание, присутствие, разворачивание, жизнедеятельность, последствия, ответственность, благосостояние, потомство...

ным, исчезнувшим... И такое может иметь разные последствия, не только для отдельного вовлеченного, но и для всех его окружающих и для всего включения в целом...⁸ Поэтому там, где речь идет о мыслях, о состояниях, об уме, там все не так однозначно... И если нет тех, кто думает о включении в целом, и там, где ворота открыты настежь, там может быть разное... И многие не знают о том, что к их мышлению⁹, то есть к ним, к их благополучию, **доступ всегда открыт**, и такой прямой доступ – это, прежде всего, обычное слово, которое может ранить, покалечить, вывихнуть, направить куда-то туда, спровоцировать... или даже убить... Конечно, слово также может наставить на путь, принудить вернуться, излечить, сделать сильнее...

При этом предположительно нужно помнить, что в действительном мышлении, в философском мышлении, в мышлении об основаниях нет ничего тайного в каком-то слабом значении. Тайна тут проста – такое мышление требует тяжелого умственного труда, умственной практики, тренировки ума, работы над текстами и над собой, поэтому такое возникает не просто так – это значительный и многолетний труд. И такой труд всегда отсекает всех желающих получить нечто даром, с ходу и для каких-то непонятных забав,

⁸ Все подобное связано с работой средств массовой информации, понятиями «пропаганда», «идеология» и другим..., но речь в данной работе несколько о другом, хотя все раскрытое тут напрямую связано с данными вопросами.

⁹ Обывательство и позитивизм убивают знание о том, что каждый живущий «состоит» из мышления.

не имеющих никакого отношения к тем основаниям, которые пытается разглядеть такое мышление. И многие понимают, что квантовые вычисления – это что-то непонятное, но все считают, что умение понимать философские беседы или политический, исторический замыслы... – это удел каждого, но в действительности такие беседы далеки от той пошлости, которую представляет себе обыватель, хотя это мышление и происходит с применением слов обыденного языка, то есть в отличие от математики, и другого выделенного мышления, такое мышление не создало собственного сверхвыделенного понятийного символизма, хотя математика и другое в итоге всегда обращается в обычный язык и в обычное мышление, и если это не так, то есть если математические символы нельзя преобразовать в обычный язык, тогда это нечто бессмысленное...

Но можно ли назвать такого «исследователя оснований» ученым? При этом зная, что весь эмпиризм и другое в таком исследовании невозможны. И при этом, а как не стать антинаучным? А нужно ли? И такое мышление ни в коем случае не предполагает никакой позитивистской или прикладной методологии, позволяющей создавать инструменты из вокруг происходящего. Инструментом, в каком-то слабом понимании, для такого мышления является сам присутствующий, его мышление, его сущность. То есть с помощью такого мышления не стоит решать то, что решать не нужно, и такое не отрицает взаимодействия с разным, с наукой, с

другим. Поэтому философия не должна заниматься не своим делом или воспроизводить некое позитивное знание, которое должны воспроизводить те, кто занимается именно таким вот воспроизводством. И философия – это не база, не фундамент, не теоретические методы... она таковым может быть только условно... Конечно, философия – это и включение света, а иногда – и особое прояснение. Но иногда... в каком-то сверхзначении – это разговор о каких-то странных основаниях.

Чем еще может быть такое мышление, чем оно может являться, чем оно бывает? И тут может возникать разговор о разном непредметном знании, то есть, а какое знание на самом деле интересует человека? То, которое позволяют ему изменяться и развиваться? И философия – это в каком-то смысле и есть такое знание. Конечно, философия – это и политическое видение, и другое..., и тем, кто не производит никакого своего видения, приходится потреблять чужое..., то есть превращаться в предмет, в предмет потребления чужих разговоров об основаниях, а затем и в объект... Поэтому философия – это определенная практическая жизнедеятельность, процесс, точка для споров и диспутов, место выработки. При этом после такого не должны, но могут повести на эшафот, но это уже точка смерти мысли или?...

В таком смысле, в смысле тотального разговора об основаниях философия – это всегда мета-физика. Но это также и отдельный разговор, то есть какая-то конкретная философ-

ская система, при этом это и некоторые разделы, так как разговор об основаниях может распадаться на разное: на разговор об основаниях познавательных способностей, и о чем-то запредельном, и другом, о какой-то «онто»... И такой разговор, рассматривая разное происходящее, разное присутствующее, разное явленное может думать и об основании такого, о его онто-...логии, отсюда и философия войны, смерти, жизни, духа..., то есть любого выделенного из явленного или явленное из выделения.

В любом случае, все, все те, кто должен знать, знают, что такое казалось бы преодоленное бесполезное мышление, и именно действительное мышление, а не какая-то фальсификация, обладает страшно-разрушительной силой, и такое мышление может поставить под сомнение все и обратить в ничто любые смыслы..., а в итоге и любые основания..., а после и другое..., поэтому такое мышление – это не только взгляд туда, это иногда и разрушительное оружие тут.

—

Изложенные в работе мысли не являются учением, научением, теорией сознания или чем-то подобным. Проигранные мысли представлены в большей степени в форме неопределенного вопрошания, без предложения каких-то достоверных ответов, что предполагает воспроизводство очередного негативного метафизического учения, чего автор пожелал избежать. Работа не является классической научной монографией, все изложенное ниже нельзя воспринимать как ка-

кое-то «достоверное учение», но при этом это и не некая публицистика. Все рассказанное нужно воспринимать именно как разговор, который имеет возможность быть, точнее, он состоялся. Автор не ставил себе задачу что-либо окончательно утверждать, и такое состоявшееся мышление не претендует на какую-то позитивистскую доказательность¹⁰, но при этом это не эзотерика или какая-то примитивная мистика. Все изложенное не имеет отношения к какой-то психофилософии, психоанализу, фрейдизму, антропософии или какой-то теософии... не связано с употреблением препаратов изменяющих сознание, не служит целям врачевания или извлечения тайных скрытых способностей.

Странное мышление

¹⁰ И всегда нужно уточнить у математиков, а что они имеют в виду под процессом доказывания, и что есть их доказательства в итоге? И если уточнить и понять, что это на самом деле, то окажется, что с математикой, как с позитивной наукой, все очень и очень непросто.

Однообразие наличного плана бытия

Что может удивлять, завораживать, останавливать дух, вырывая его из происходящего? На такое способна только какая-то значительная мысль¹¹, которая обращает мышление в ничто¹², вырывает его из «происходящего что», обращая его в вечность, что и есть какой-то миг-ничто, какое-то «с той стороны сознательности», а затем возникает нечто, то есть мысль (сознательность) после такого ничто. И что есть такое «то ничто», и что есть «это нечто после» – это все только предположения...

Сложность таких извлеченных мыслей значительна, и чем внимательнее дух, чем он более изощрен, тем сильнее он требует какого-то сверхзначительного напряжения для определенного взаимодействия с загадочным тем. И такое напряжение становится смыслом и целью, а все другое становится каким-то бесполезным и бессмысленным, но все же нужным в этом присутствии. Отсюда и поиски такого напряжения становятся необходимостью и чем-то, без чего дальнейшее существование становится бессмысленным, а иногда даже абсолютно невыносимым.

Человеческое мышление всегда стремится к завершению

¹¹ Мысль о чем-то, возможно, о мысли или?

¹² Нечто из буддийской философии.

сти¹³, окончательности, то есть к какому-то последнему рубежу. Но стремление к таковому предполагает постоянное движение. Отсюда остановить или даже окончательно зафиксировать такое невозможно. Можно только разглядывать пройденный путь и вглядываться в день сегодняшней, а затем усматривать нечто впереди. И так со всем пониманием и со всем знанием (со-знанием) – оно текучее, оно происходит... Поэтому любые попытки законсервировать что-то в форме определения – это слабая попытка остановить живую мысль. Отсюда в наличии всегда присутствует какой-то «открытый разговор о чем-то», и это «о чем-то», о чем разговор, оно всегда существует именно так. То есть разговор не заканчивается, и «то, о чем разговор», не определяется окончательно, а все это такое течет и длится, и в наличии от такого есть только вот такое – текучий разговор, неопределенный им непредмет и активно встроенный в такой разговор мыслящий, который, возможно, и становится причиной всей этой конкретной неопределенности.

Но за всем этим происходящим мышлением есть еще нечто, нечто неуловимое, что нельзя понять. И вот эта мысль «о присутствии вот этого неуловимого», того, что нельзя понять – это точка удивления, которая позволяет установить нечто, о чем стоит задуматься и что, возможно, является началом любого мышления, любого разговора. Но, а что в итоге представит такое задумывание, если в итоге такое – это

¹³ Только стремится, но достигнуть его не может.

нечто неуловимое для мышления?

Итак, мышление всегда хочет достичь последнего рубежа, получить завершенность, победить текучесть и в итоге выдать за такой рубеж какую-то конструкцию, какую-то определенность в виде какой-то формальности. Но в таком есть существенный изъян, так как любые конструкции – это бывший акт мысли или то, что возникло после мысли, в результате мысли¹⁴. Но акт мысли – это подвижность, которая в своем происходящем присутствии не имеет никакой остановки, и останавливаясь становится уже чем-то другим. Соответственно такие конструкции – это какая-то замершая (иногда) полезность, которая может быть толчком для другой мысли, но это не мысль, а нечто мертвое, и такая мертвость действительно значительна, так как любую мысль в итоге приходится обездвиживать тем или иным образом, а затем такое обездвиженное вчера, бывшее мыслью, может влиять на происходящее и становится тем, что будет порождать и другое бытие и мысль в итоге. Но такая завершенность мысли – это не ее рубеж, это какой-то промежуточный итог, за которым может быть только следующий акт..., но, если его не будет, будет нечто иное, но это «иное» – это нечто недоступное для мышления.

Отсюда все рубежи, все, переставшее быть мыслью, – это не рубеж мысли, это не ее реализация, не ее какой-то окончательный итог, а это ее остывание в чем-то другом, в чем-

¹⁴ Как и этот текст.

то, с чем мысль взаимодействует и что может быть причиной формализации мысли в нечто странное, но что это на самом деле?¹⁵ И тут вопрос открыт так же, как и вопрос о том, а что есть тогда мысль как происходящее? Что есть тогда мышление вообще? Если уловить и обездвигить его невозможно?

И мышление всегда текуче, но и остывшая после мысль тоже присутствует там, где нет никакой остановки, также, как нет остановки в мышлении, и такое присутствие, такая непонятность – это нечто удивительное. И тут может быть мысль о том, что это «происходящее вне мысли» тоже тотальная неизвестность, и его текучесть – это, возможно, не его свойство, а свойство разума, который существует именно в состоянии вот такой текучести, а что на самом деле – это происходящее в его последнем значении?

И такое состояние неопределенности – это какое-то проклятие, но это также и нечто другое. Итак, на самом деле можно точно установить только «наличие тотальной неизвестности»¹⁶, и такая тотальная неопределенность – это возможность для любого акта мысли, для любой конструкции, и такая неопределенность она бесконечна, как и бесконечно приложение¹⁷ мысли. И проклятие мышления – это любая попытка утверждать, что акт мысли может дать последний ответ на эту неопределенность, то есть это одновременное

¹⁵ То, в чем остывает мысль, то, с чем взаимодействует мысль.

¹⁶ Что будет показано в работе после.

¹⁷ Отражение, реализация, остывание, возникновение...

отрицание возможности присутствия акта мысли.

Отсюда любая «абсолютная объективизация конструкции» приводит к тому, что в итоге возникает какая-то схоластика¹⁸, то есть подмена акта мысли каким-то конструктом¹⁹. И сам конструкт выдается за мысль или даже за нечто, что больше мысли, хотя на самом деле действует только акт, а конструкции – это то, что остается после акта²⁰. И тут может возникать какая-то «только мысль», что нет необходимости прямого участия в происходящем, так как есть какие-то закономерности (конструкции), которые и сами будут действовать. Но на самом деле все это остывшее после-мыслие – это только то, что осталось после акта, и теперь выдаваемое в качестве конструкта того, что есть больше, чем мысль. Конечно, это после-мыслие – это значительность, но это не чистая мысль, а для «реализации тут» нужно принимать в таком участие. Но что есть «это тут без мысли» или «до мысли», или даже «какое-то вне мысли», о чем мысль не просто не знает, а о чем она знать, возможно, не может? Что это

¹⁸ Для схоласта какая-то словесная конструкция – это то, что реальнее того, что происходит. И для схоласта упрощение – это примитивизация, а не та действительная простота, которая говорит о том, что «понял» – это всегда акт, а не предмет.

¹⁹ Понятие – это всегда конструкт.

²⁰ Тут могут быть мысли о том, что так как так происходит мышлении, то и все, что тут происходит, но не является результатом нашего мышления, это итог какого-то другого мышления, какой-то Сверхэкзистенции по Аквинскому или Абсолютного Духа по Гегелю, но это тоже только мысли.

«все»? Опять какая-то тотальная неизвестность...

Всем предположительно известны собственные мысли, те, что наличествуют в приватном мышлении, но сложно себе представить наличие чего-то другого, того, что можно схватить, получить..., чего-то совершенно неизвестного...

– Допустим, обойдя всю обыденность, что можно обнаружить? Все разное увиденное будет схожим, одинаковым, то есть ничего особо нового или поразительного – похожие цвета, формы, запахи... Какие-то пейзажи, нечто, и такое, конечно же, может какое-то время удивлять, но что затем? И вот тут может возникнуть мысль о различии между видимым и другим, чем-то другим²¹.

Мысли, связанные с выживанием, проживанием, продолжением, охотой, производством – это все нужное, но затем однообразное, а значит, и неинтересное. Такое в какой-то момент становится бессмысленным и хочется чего-то другого, чего-то неизведанного, того, что может увлечь и увести туда, туда откуда родом тот, для кого быть – значит быть мышлением²². Существует значительность обыденных бытовых мыслей – мысли об окружающем, о том, как чистить зубы, обманывать, побеждать, быть успешным... Но есть и другие мысли, которые никак не относятся к обывательской

²¹ Понятно, что это все какое-то мышление и различие этого – это определенный прием.

²² Духовностью...

шелухе. Конечно, такое не имеет²³ понятной применительной содержательности, а стремление «экономить себя»²⁴ говорит о том, что такое – это бесполезность. Но иногда возникает изощренность, которая желает получать именно вот такое какое-то странное. И только это может увлекать уже изощренность, а все остальное становится чем-то никчемным...

И тут может возникать желание получать новые, утонченные мысли, странные мысли, мысли из какого-то другого плана бытия, который, возможно, существует вне обыденности. Возможно, такие мысли нельзя воспроизвести, разглядывая происходящее? Но где существуют эти мысли, это загадочно добытое умом в результате каких-то сложных движений духа? И, возможно, опыт таких мыслей представлен в различных трудах? Или...? Или, возможно, доступ к нему есть у любого, кто существует как нечто духовное?

Предположим, что освоение такого опыта – это особая практика, которая требует значительного напряжения. И, возможно, тут нет никакого секрета, такое скрыто, но не так, как кажется. Такое сокрыто фактом отсутствия у неподготовленного ума умения осваивать такое. Возможно, конечно, для заглядывания в такое лучше иметь проводника, но при желании и собственного напряжения достаточно.

²³ О непонятности-сложности можно говорить достаточно долго, но это все пустое для обыденности...

²⁴ Это не просто лень, такое – это больше, это что-то более древнее...

– Но после изучения различного такого опыта возникает осознание присутствия определенной бедности и в таком. Новых мыслей, которые могут удивить, при движении в таком направлении, их с каждым днем будет становиться все меньше и меньше... без возможности завершить процесс... То есть чем больше узнаешь, тем сильнее будет возникать осознание однообразности, и даже в математических теориях достаточно мало «шевелений»²⁵, их немного и в музыкальных актах. В итоге мыслей, которые будут удивлять дух и будут вызывать определенное состояние, за которым следует следующее и..., будет становиться все меньше и меньше...

Конечно, действительно интересную мысль можно долго длить, ее можно сверхдолго воспроизводить, ее можно растягивать множество и множество раз, например, кантовскую «вещь в себе» или какой-то музыкальный акт, или какое-то решение ума по какому-то поводу...

Некоторые ходы мышления могут очень сильно удивлять, и вот это удивление какого-то хода вызывает значительный интерес, затем возникает желание повторить ход, воспроизвести ход и от этого хода выскочить ТУДА, к чему-то другому.

Можно стремиться к простоте, но нет ничего более при-

²⁵ Взять математику в целом, в ней очень мало действительно – мыслей с большой буквы, в ней есть разное, есть «разные связи», но все же «мысли» достаточно ограничены, единственное, что такая сильная простота требует сверхзначительного напряжения.

скорбного, чем упрощенная простота. И простота иногда – это бедность, а иногда простота – это изощренность. И если, опять же, внимательно присмотреться к тому, что присутствует, к мышлению, то возможно окажется, что такое происходящее тоже значительно-бесцветно, и потому возникает желание обнаружить какую-то утонченную изощренность, которая бы удивила, и, возможно, позволила бы очередной раз заметить какой-то интеллектуальный изыск.

Возможно, есть какие-то мысли-состояния, которые нельзя повторить, но о них можно сказать, что «это было...», но «что это было?» Предположительно такие состояния нельзя передать ни в живом разговоре, ни в тексте, а после их невозможно воспроизвести. Но, возможно, сам текст является способом воспроизведения разного, и это разное – это все богатство, созданное явным мышлением в течение всей его происходившей истории. И такой текст в каждом проигрывающем «проигрывается иначе» и воспроизводит «что-то разное», но при этом «что-то похожее», и это нечто непонятное.

Такое мышление может взаимодействовать с чем угодно и быть чем угодно, у такого мышления нет никакого основания, кроме него самого, и нет никакого понятного направления. Такому мышлению доступно все, на что оно желает себя направить-обратить-превратить-стать-быть.

Что значит обнаружить новую мысль, раскрыть, вскрыть, открыть? Возможно, это целое искусство, непосильное за-

нятие для того, кому в первичном состоянии постоянной экономии не хочется испытывать какого-либо напряжения. Но, возможно, преодолев такое нежелание затрачивать себя и проиграв какое-то сверхнапряжение, предположительно возникнет и удовольствие от напряжения и желание осуществлять такое снова и снова. Конечно, в таком есть и обратная сторона, такое напряжение очень сильно меняет и воздействует на того, кто стремится расходовать себя. Иногда такое может сильно покалечить.

Но в итоге все равно останется непонятным, почему возникает такая изошренность? Это результат какого-то пути, результат праздности и скуки или какое-то действительно действительное стремление для того, кто присутствует только как-мысль? И тут тоже может наметиться переход к другому способу «экономии себя», тут возникнет желание удалить от себя и отстраниться от всей шелухи и сосредоточиться на самом главном, на том, что становится интересным для какой-то изошренности.

Обыденное мышление

26

, позитивистская вульгаризация философии и банальности, выдаваемые в качестве философии

Что такое обыденное мышление²⁷? Обыденное мышление – это способность понимать все обыденно, то есть «конкретно и понятно». Такое мышление «не познает мир, как он есть»²⁸, оно «просто это знает» через то, что оно знает «что мир есть», «как он есть». И то, «что в нем есть» – это для обыденного мышления присутствует как существующее и понятное.

– Обыденное мышление умеет сомневаться, оно умеет многое. Но такое сомнение будет особым, оно никогда не будет приближаться к порогу «разговора о шизофрении».

– Предположим, что такое²⁹ обыденное мышление есть! И предположим, что с таких позиций прочтение любых необыденных рассказов превращает их в обыденность, конкрет-

²⁶ Ст. Гегеля «Кто мыслит абстрактно?»

²⁷ Нужно помнить, что любая классификация и выделение условны и существуют как акт мышления, а не что-то другое. Единственное, что для обыденного мышления это не так. Такое и любое выделение существует не только как акт, но и как какая-то предметная тонкая материя.

²⁸ Само такое построение является значительным противоречием. Как может быть то, что не дано в качестве данности?

²⁹ Обыденное.

ность и пошлость.

– Обыденность точно знает, «что есть» и «как оно есть» – это различные «предметы» обыденного мира. Целокупная «обыденная практика» обывателя, включенность в эту практику, обдумывание этой практики, соотнесение всего с этой практикой...

– Обыденное мышление может пребывать также в формате какого-то милого слабоумия или какого-то экзальтированного обыденного мышления, оно может быть таким себе уютным удивлением.

– Все остальное, что как-то выходит за такое, предъявляя такому вопросы, вызывает у обыденного мышления злобу и отрицание. Любое напряжение, любое сосредоточение, любой заплыв за буйки.

– Обыденное мышление может быть (называться) и философским, и научным, и политическим, и каким угодно... Оно может себя называть как угодно, даже определять себя в виде какого-то учения, знания, доктрины...

– Эзотеризм – это тоже обыденное мышление, его крайняя форма, такая же обыденная форма, как и позитивное научное мышление о мире или, допустим, любой атеизм...

– Обыденное мышление – это ясный определитель определений.

– Обыденное мышление все обращает в пользу и полезность... какую-то терапентию³⁰...

³⁰ И тут речь не только о каком-то психоанализе, но и о более широком пони-

– Обыденное мышление может соглашаться с тем, что оно готово признать, что оно что-то не знает как понятный ему предмет, но оно не готово признать, что это имеет какое-то значение для него. То есть «практичность» обывателя всегда будет выше той или иной шизофрении...

Есть ли необходимость разобрать такое (практическое) мышление? Объяснить, понять, стать им... Изменить его и сделать его другим? Скорее всего, необходимо просто констатировать, что возможно такое есть! И такое приходится учитывать. Знать об этом.

Нужно ли вступать в дискуссию с таким мышлением? Доказывать ему важность другого мышления, его полезность? Можно ли «вылечить» обыденное мышление? Нет, никак. А зачем? Сам ответ на такой вопрос «зачем?» превращает другое мышление в обыденное, в отрицательную конкретность.

Почему обыденное мышление заблуждается в своей практичности, конкретности? Проблема, о которой не знает обыденное мышление, заключается в том, что «ничто не дано никакому мышлению в качестве положительной конкретности». Все, с чем имеет дело обыденное мышление – это тоже какая-то шизофрения, но уже ставшая для обыденного мышления «чем-то конкретным». И такая конкретность – это очередная обыденная иллюзия.

Противостоит ли обыденному мышлению, которое мнит

мании, тут речь о любой вроде бы как практике «как быть (успешным) сейчас».

себя как конкретность, практичность, полезность, некая абстрактность, теоретичность, посюсторонность... Ни в коем случае. Различение мышления на конкретное-практичное и какое-то другое – это и есть показатель обыденности. Не бывает мышления и другого мышления, все мышление – это только мышление³¹. Единственно, что есть мышление, которое отрицает себя как мышление и видит в себе какое-то основательное, практичное, предметное, научное, медицинское, действительное, физическое, а не мышление, не замечая того, что оно тоже происходит только как мышление... И такое непонимание и является показателем определенного слабоумия. Такое и предполагает некое тождество между каким-то слабоумием и обыденным мышлением. И такое мышление, которое отрицает себя в качестве мышления (и одновременно другое, считающее себя только мышлением), оно определенно не знает себя в качестве мышления, но при этом остается только им по сути.

Обыденное мышление всегда подключено к какому-то мифу, какому-то «миру», языку, знанию, традиции, конструкции, опыту... то есть в итоге к какой-то, но уже ставшей шизофренией³². И отсюда обыденное мышление может сделать вывод, что «это что-то значит» и что «это конкретно значит, что», но, увы, и тут надо остановить его, сообщив ему, что «это ничего не значит!», кроме того, «что оно зна-

³¹ Сюда и чувственность, и все остальное...

³² Уже-включение, которое действительно понято, принято, воспитано...

чит», и если это непонятно, тогда это непонятно, и не более того.

Обыденное мышление может приобретать форму какой-то позитивности или даже научной позитивности. Что такое позитивистская, материалистическая... вульгаризация философии?

– Обыденное и позитивистское сознание вроде как бы знает, как все есть. Но есть вещи, способные вызвать удивление даже у всезнающего ума, включенного в «постоянную, позитивную, конкретную, обычную реальность».

– Все прекрасно знают, что «есть время», но попробуйте понять, «что есть знание об этом времени»? Предъявите предмет «время». Покажите свойство «время». Найдите в своей обыденной реальности что-то, что будет соответствовать этому «времени». У нас нет рецептора, который бы позволил ощущать «время». Время – это загадка. Время – это «выдумка», но ничто так не реально, как «время».

– Понятие «история» – что это? Реальность истории...? «История» – это слово. Подобное касается и пространства, материи, и цвета вообще, и человека вообще, и мира вообще... Старый спор номиналистов и реалистов о существовании неизвестен такому обыденному уму.

– Возьмите любое слово, например, «владение» или «закон», или... Вот – оно есть? И как оно есть? Если оно есть, а я действительный реалист, то есть я знаю только то, что могу

эмпирически определить. Так, вслед за позитивным сознанием давайте последуем в мир реальных, действительных, видимых предметов и обнаружим там вещь «владение»... После поисков вдруг окажется, что такого предмета нет! Как и остальных похожих слов... Тогда вслед за более изощренными представителями позитивных реалистов, можно сказать, что да!, «владение» не есть предмет, а это на самом деле ПОНЯТИЕ... eeeee..., и? То есть это нечто, что можно выявить из каких-то обобщений многих предметов в качестве их свойства. Например, мысль «о законе тяготения» возникает из обобщения всех фактов падения предметов, что явно говорит о том, что такое свойство «сообщает о законе», но, скорее всего, Ньютон или Гейзенберг и даже, возможно, Бертран Рассел были бы против такой трактовки данного вопроса. Или, например, «мысль о времени» возникает в качестве обобщения от многих происходящих действий. Проводим параллель с мыслью «владение» и окажется, что это тоже иллюзия. После этого можно предположить, что мысль «владение» возникает в качестве фи-феномена, и... или?

– Существует очередное, одно из многих пониманий «мира», которое ощущает себя неким «последним взглядом на мир» – это представление о сущем, как об окончательно данном в схемах, которые выдаются как тождество происходящему. Представители такого «мышления» думают, что за актом не существует другого. Их «мир» практичен и конечен. Он определен и опредмечен, но на самом деле такого мира

нет – это вымысел.

– Что есть наше знание о мире? Можно утверждать, что «мир» – это только мысль. Действительно, в видимой практике нет никакого мира. Есть только небольшой, видимый глазами горизонт видимого, и предметов, и свойств, и всего этого видимого-понимаемого через мышление, через так называемые понятия, идеи... И ни одна теория не является последней теорией³³. То есть, возможно, что все происходящее – это загадка, а иначе зачем наука пытается нечто разгадать, если все и так уже понятно через некую уже известную «диалектическую теорию»? Возможно, схема, позволяющая объяснить такую загадку, в чем-то верна, но только как схема, которая позволяет в упрощенном формате описать мир. Но мир-происходящее всегда больше, чем этот конструкт-о-мире. И тут всегда можно задуматься над ницшеанским противопоставлением Диониса и Аполлона, а также трогаящихся умом финансовых аналитиков³⁴ поверивших в то, что «их схемы» – это то же самое, что и «происходящее»³⁵, но когда происходящее начинает двигаться куда-то туда, куда ему очередной раз вздумается, то что тогда? Крах, кризис, катастрофа?

³³ Проблема ортодоксальных марксистов второй половины XX в. и их противников в том числе...

³⁴ Сюда любых адептов какой-то концепции, и марксистов, и демократов, и ученых, и военных, и политиков...

³⁵ По-другому – это помешательство, фантазия или какое-то заблуждение, говорящее о том, что концепт – реальность.

– Конечно же, в таком смысле можно начать утверждать, что да! Я понял! Я обманут! Обыденное или позитивистское мышление – это ничто! Ничего нет! Нет ни времени, ни государства, ни мира, ни науки, ни человека... Но, скорее всего, что-то «есть» только как мысль, но и не только. Но как существует мысль и другое – это уже следующий вопрос, а точнее, это та загадка, которая и вызывает удивление. Сложно понять, как существует нечто как мысль, но мы сами существуем как мысль, при этом нас полностью устраивает такое существование, и другое нам неизвестно, или известно? Но почему все, что произносится как «известно» – это мысль? И тут можно двинуться в сторону Беркли и дойти до крайних пределов такого мышления, но все же, как бы кому-то не хотелось, любые мысли и любые фантазии, они ограничены чем-то большим, чем-то происходящим, которое значительнее всего, значительнее разного, в том числе и мыслимого. И такое происходящее, оно даже значительнее всех упрощений о том, что есть мыслимое и протяженное, субстанция и атрибуты, материя и мысль..., субъективный идеализм, объективный идеализм и правильный материализм... и так далее. Всегда можно заметить и видимый горизонт, и мыслимый горизонт, и, возможно, предположить, что есть и другие горизонты, и не горизонты, и что-то совершенно непонятное...

Также существует сумма обывательской банальности, понимаемой в качестве «философии». Такими неосмыслен-

ными и нефилософскими вопросами являются такие, как: «В чем смысл жизни?», «Какие вещи хороши, а какие таковыми не являются?». Но действительная философия не занимается таковым. Философия – это плод странного безделья в формате крайне-напряженного «мышления о шизофрении», но это не банальность. Конечно, философия плодovита и как способ удивления, вопрошания, сомнения, размышления, молчания... Но мышление (духовное напряжение) – это не глупость. Действительно, можно задаваться вопросом: «А в чем смысл жизни?». И можно, опять же, выдать ответом какую-то банальность... или какую-то умность, научность, формальность..., но все это незначительность. Но зачем нам такой вопрос? Какой мы хотим получить ответ? А есть ли такой вопрос? Вопрос ли это? Что нам дает ответ на этот вопрос? Вот это уже есть «мышление о мышлении»³⁶.

Присутствует также вульгаризация философии через какое-то эзотерическое «философское» учение или какую-то «жизненную» модель, практику. Это может быть даже вульгаризация через какое-то учение, через какое-то «тайное учение». Может быть, вульгаризация через некие практики НЛП и другое...

³⁶ Пятигорский.

Обнаружение мышления и особого мышления

Но, представим себе, что еще в глубокой древности, в каком-то Древнем Египте, в междуречье Тигра и Евфрата и в других каких-то неизвестных местах и, возможно, временах, там где возникал какой-то слой тех, или даже просто те³⁷, кто мог быть занят каким-то духовным (интеллектуальным) созерцанием. Такой слой занятых «чистым мышлением»³⁸ замечал наличие какого-то..., но чего? Допустим чего-то, ну..., возможно, понятого в качестве «мышления»³⁹, и такое обнаруженное «мышление»⁴⁰ было значительным открытием (или выдумкой?), которая влекла за собой многое, множество различных открытий и изобретений⁴¹.

И если «мышление» и какое-то «всеобщее мышление», предположительно-присутствующее у каждого – это открытие, то последующие за этим (и вместе с ним) различные

³⁷ Сидя у какой-то доисторической речки(времени) в какое-то доисторическое время.

³⁸ Мышлением не для чего...

³⁹ Выделение чего-то в мышление, выделение такого предмета, как мышление...

⁴⁰ Таким могло быть нечто, то похожее, но понятое, выявленное, конкретизированное по-другому.

⁴¹ Дух, сознание, число, моно, связь...

мыслительные, мышленческие – логические, математические, геометрические, лингвистические, физические, поведенческие... открытия-изобретения-планы-решения – это все было обнаружено после или вместе, но что это?

После этого или вместе с этим, возможно, были изобретены различные вещи, например, математическое мышление и запись, какая-то запись языка и многое другое, какие-то вещи, способы, предметы, системы, методы... Сложные системы ведения хозяйства, системы управления каким-то производством, перемещением, хранением, управлением... Но все это, все какое-то практическое мышление всегда возвращалось назад, к своему началу, к той тайне, от которой воспроизвелось все остальное, то есть к «мышлению».

И что есть это «мышление»⁴²? Может быть, это некий дар богов – это, конечно же, неизвестность. Но то, что это нечто незримое и обнаруживаемое через определенное в словах и другом конкретном – это факт, но что это вообще, как понять это? Это «мышление» – это всеобщее обнаруживаемое или это какая-то частность, или, возможно, это какой-то всеобщий источник, к которому происходит всеобщее подключение? То есть мышление⁴³ ограничено в отдельном теле или оно как-то не телесно, над телесно, вне телесно? Или «мышление» – это иллюзия, выдумка, его нет, а есть некая длительность, телесная жизнь, и в ней нечто выделяется в каче-

⁴² Разговор не об отдельных мыслях, тут все сложнее..., тотальнее!!!

⁴³ Ум, дух, ментальность, личность...

стве мышления?

Но в итоге вопросы не будут разрешаться, они будут нарастать, и простое обывательское представление, и какой-то примитивный сенсуализм, а затем эмпиризм, а после и рационализм – все это по мере нарастания вопросов будет становиться неинтересным, каким-то упрощением, которое не позволит двинуться дальше. При этом это ни в коей мере не требует признания необходимым работать с какой-то примитивной эзотерикой.

Что такое философия?

Что такое философия? Это значительно-загадочное или даже бесполезное слово. Его, конечно, можно подвергнуть этимологии. Долго разглядывать. Можно провести над ним какой-либо вид анализа (разутюжить, расчленить, раздавить, подвергнуть какой-либо экзекуции). Философ-иииии-яяя. Люба-мудрая или не-мудрая, а мудрено. Но в итоге это ничего не даст. Дело в том, что тут может быть любое другое слово, например, «абракадабра». Но суть дела не в этом.

Ну еще можно смело и уверенно сказать, что тут дело не в слове, а в его содержании! Ура! Эврика! Хотя... Эка удивил. И что? Ну в содержании, и что? Раскроем его! Философия – это (а дальше сумма бормотаний про это – откроем любой учебник об-философии). Возможно, философия – кто-то, а не это? То есть, это мыслитель, его мысли, его жизнь. Слово «Х», обозначающее все «это кто-то» могло быть любым. Но загадкой является, почему «этот кто-то» отличается от другого такого же «кто-то». Просто у всех у нас есть мысли. Как понять, чем мысли отличаются от мыслей философов?

Предположим, как возникла философия. Не как-то там..., а по-другому. Нарисуем упрощенный сюжет. Кто-то имел «чем и когда» обращаться в языке (мышлении). Он этим языком (мышлением) пользовал. И заметил одну «странность», а затем и многие. И попытки упорядочить в

целое эти странности создавали систему-схему странностей. Ее можно было посмотреть, заметить через нее другие странности и предположить другую систему для выявления следующих странностей (при этом у каждого мыслителя была своя схема и выявления странностей, и их упорядочивания). При выявлении странности возникает удивление. И странность, замеченная в языке (мышлении), может быть замечена и в ином, и все таким образом становится странным, требует завершения в акте понимания, и такой акт в целом превращается в мета-систему конкретного мыслителя. Умение или обладание этим странным видом мышления (не абстрактным, не рациональным, не даже философским в негативном смысле, не..., а конкретно странным) и стало тем, что греки определили в качестве некоей философии с одной стороны, и «состоянием» – с другой стороны, и тут можно «услышать» несколько слоев:

- чтение-изучение текстов;
- разговоры о каких-то учениях (история философии), сюда и выявление связей, и многое другое;
- вскрытие странностей, когда возникает умение «замечать» проскакивающие неадекватности;
- состояния;
- последующие разговоры о состояниях и, возможно, иногда их запись.

И эта странность стала даже определенным инструмен-

том, с помощью которого греки научились «трогать» разное и воспроизводить особые мысли, которые затем стали обретать определенную словесную метку, и так далее: математика, логика, политика, война, искусство, физика... и другие какие-то «собрания особых мыслей» об «особо происходящем», и что из этого раньше – это тоже сверхсложный вопрос.

Возможно, философия – это отсутствие мудрости. У каждого есть своя мудрость, у философа ее нет. Он думает над чужой мудростью и в итоге может додуматься до какой-то, но это уже не будет тем, что есть философия как первый акт.

И, возможно, нет философии Мамардашвили, Пятигорского или Гегеля, любой философский опыт – это всегда какое-то обращение к трансцендентному, это всегда взаимодействие с ним. С тем общим источником, который возможно всеобщ⁴⁴ для всех. Поэтому утверждение о существовании какой-то «философской системы» – это какое-то упрощение, и проще понимать такое, в качестве присутствия какого-то конкретного опыта обращения к Источнику (колодцу), который затем можно рассматривать в виде уже данной конкретности, в качестве какого-то уже застывшего опыта мышления или опыта обращения. Но это всегда уже постмышление, мышление о застывшем куске лавы, мышление о памятнике мысли, но это не та мысль в ее первоначальном

⁴⁴ Всем понятны математические доказательства, и все могут прийти к одинаковым логическим выводам, то есть источник всеобщ?

виде. И само по себе такое первоначальное мышление, когда оно происходит – это какое-то извержение горячей магмы мысли из неведомого источника. Поэтому «любое пост» – это какая-то трактовка, которая не всегда может проникнуть в те разворачивающиеся оттенки извержения.

«Все люди – философы»⁴⁵. В одном из диалогов Платона есть рассуждение Сократа о том, чем является философия и кто такой философ. Суть его примерно в следующем: у всех есть своя мудрость, у того, кто правит, у кораблестроителя, у портного. Все знают свое занятие, и все включены в бытие. У них у всех есть свое предназначение. Но у философа нет мудрости, он пытается понять, что такое мудрость, но что это определено – он не знает. Он изучает мудрость других, но своей у него нет. У него нет учения. Нет знания. Нет как быть, что делать. У него нет последних ответов, а есть только искания. Если для всех все определено и задано, для них есть понятность бытия, то для философа – все загадка, все скрыто и неопределенно. Это и раздражает других, они видят в таком вопрошайке бездельника или человека без определенного занятия. Того, кто ничего не может дать, не может выдать никакую мудрость. Он не может научить печь хлеб, воевать с другими, взывать налоги, ловить рыбу, поклоняться богу. Он тот, кто никак не включен через мудрость, занятие, знание, умение, роль, он в таком смысле антисоциален, революционер или даже какой-то особо исклю-

⁴⁵ Название одной из работ К. Поппера.

ченный. То есть философ – это внесубъектный субъект, который своими вопросами может создать проблемы для субъекта. Он своими вопросами возбуждает умы, нарушает порядок определенности и навеивает на всех неопределенность, что, по мнению тех, кто до мозга костей определен, – большая опасность. Мудрецы ненавидят философов. У мудрецов⁴⁶ есть мудрость, они ей служат, ее предлагают другим. А философы – это те, кто как бы любят мудрость, но толку! У них ее нет и научиться мудрости (какой-либо) у таких любителей невозможно.

В таком смысле философия в своей немудрости, в бессмысленности близка с различными антисоциальными учениями, поэтому иногда возникает путаница и предположение, что такое – это тоже некая форма философии. Иногда всякие падшие, выбывшие из бытия, потерянные для себя и других пытаются изображать из себя каких-то философов, находя себе оправдание и место через свою антисоциальность в социуме, но это заблуждение. И выбывшие, и падшие – это именно такие, это не те, кто пытаются «вспомнить», а это те, кто окунулся в бессмысленность, потеряв всякую причину быть. Они не нашли себе цель, перестали бороться, но при этом кто в этом виноват – это уже другой вопрос. Но не все «почти выбывшие из бытия» обладают такой отрицательной коннотацией. Часто невключенность может быть сознательным отрешением для чего-то другого, а

⁴⁶ Софистов.

иногда это может быть какой-то случайностью или это связано с какой-то физической проблемой. Но философия – это не это, не отрешенность и не бегство от бытия, наоборот, это именно включенность, но другая, нежели как через мудрость, через «я знаю».

Философ – это не выбывший, это не беспредметный мечтатель, живущий за гранью бытия, наоборот, он по-особому включен в бытие, но в отличие от других он пытается не следовать, а услышать этот голос бытия, для него это все тотальная загадка, тайна, а не обычная определенность. И философия⁴⁷ – это установка бытия, позволяющая устойчиво жить в таком странном состоянии. И такое присутствие не является уникальным событием, выходящим за границы состояний человека, скорее всего, такое состояние внутренне присуще всем. Часто возникает точная остановка такого или выделение такого состояния, или выделение этой тотальной неопределенности в нечто присутствующее, в какую-то длительность... Например, в Древней Греции такое состояние не только точно установили, но также и перестали преследовать, прекратили считать болезнью и лечить. И, конечно же, мудрецы всегда против таких ощущений у «граждан», так как неопределенное разглядывание определенности меняет бытие, бытие перестает быть установленным, понятным, предсказанным, оно становится зыбким, бессмысленным и загадочным, а в итоге видимость бытия становится

⁴⁷ Одна из многих.

туманной, и при дальнейшей фокусировке на нем оно приобретает новое понимание, и определенность снова становится такой же, но уже другой... А как же установленные определенности, адекватности? Вот в этом, в таком и суть той цивилизации, что возникла на базе такой массовой греческой болезни. И жить зная, что есть загадка, неопределенность – это достижение философии греков (также как противоположное такому – аристотелизм). Но, скорее всего, присутствуют и другие способы фиксации состояния неопределенного разглядывания определенности.

Суть в том, что именно такое отношение к мудрости, а точнее, такая установка, при которой присутствие загадки становится нормой для ума – это и есть суть, ставшая стержнем греко-римской, а затем и будущей христианской цивилизации. С таким состоянием всегда пытались бороться, его пытались сделать мудрым (Аристотель, Аквинский, Гегель), затем особо-критичным (Бэкон, Декарт, Юнг, Кант), после позитивонаучным (Конт, Спенсер), затем определенным (Рассел, Витгенштейн), то есть каким-то окончательным учением о явленном мышлении. Но в какой-то момент все опять выходит из-под контроля (Августин (Лютер), Кьеркегор, Достоевский, Бердяев, Шестов, Хайдеггер, Камю).

И «все люди – философы» именно потому, что у каждого есть возможность оказываться в этой неопределенной определенности. Каждый ум охватывает такое состояние, хочет

он того или нет. Но, возможно, особенность некоторых позволяет пребывать в нем особым образом. Такое состояние влечет за собой и сомнение, и бессмысленность, и другое. При этом есть и способы ухода от этого, и через молитву, и через решение, явленное мышление, гипотезу, теорию, мудрость, смерть. И наследие греков – это именно установка, определение, фиксация присутствия такого состояния духа, и последующая борьба с ним.

Предположительно Сократ считал, что записывать такое состояние, описывать его – это создание какой-то определенности, или производство конкретной мудрости. А чистота философии состоит не в том, чтобы создавать определенность, а это «бытие», при котором присутствует включенность в такую неопределенность, то есть это отсутствие собственной мудрости⁴⁸. И такое «записанное» состояние духа – это уже определенность какого-то порядка, это учение, знание, мудрость, конечно же – мудрость философская, но это уже не та первая философия, не то чистое состояние, а это уже нечто потерявшее свою живость и ставшее какой-то мертвой определенностью. Но такова традиция после Платона, что каждый философ все же соглашается в итоге на существование такого вреда, на присутствующую необходимость омертвления своего бытия через его фиксацию. Конечно, такая философская мудрость может быть использована как учение, и она может изменять многое. Но это уже не

⁴⁸ Такому противоречит диалог «Государство» Платона.

то, что присутствует, когда оно происходит. Можно предположить, что Платон, записывая такое в виде диалога, пытался создать наименьшую форму омертвления неопределенности, но все же избежать такого невозможно.

– Но почему невозможно избежать омертвления через запись? Дело в том, что состояние духа – это скрытое состояние (неявленная духовная деятельность), и оно присутствует как нечто неуловимое. И записать состояние можно, но это уже не само состояние – это его последствия, нечто определенное в виде формального мышления (явленного мышления). Конечно, кто-то, разглядывая такую записанную мертвость, может войти в состояние (и прикоснуться к тому, в него), а кто-то нет. Такое состояние не может длиться, оно есть, а затем его нет, но передать или показать его невозможно. В нем можно оказаться и даже записать нечто после, но это, опять же, уже не то, как это было...

Зафиксировав такое неуловимое состояние после, его можно искать, искать в основании всего, в основании любого поиска тогда, когда отбрасывается какая-либо определенность. Отсюда основание наук... Отсюда основание многих исканий... Отсюда, возможно, мощные толчки развития у наследников греко-римской цивилизации... Отсюда, предположительно, многое невозможное становится возможным... Отсюда сверхмощные волны поиска неизведанного или цивилизация интеллектуальных кочевников-искателей в безбрежной неопределенности...

Неправильно говорить, что учение Платона – это нечто конкретное. Явно невозможно предъявить «учение Платона». Платон пропустил через себя определенное понимание, а затем возникло какое-то после, зафиксированное на письме. Такие мысли не являются чем-то кроме, как тем, что можно проиграть через свой ум. То есть это определенная мысленная музыка, ни больше ни меньше.

Поэтому так сложно, точнее, невозможно изучать философию в качестве какой-то мудрости. То есть, например:

- в определенном порядке последовательно расставлять одну за другой страницы трудов различных философов;
- или, возможно, выдать какое-то «определение что...»;
- или например, предложить «формулу философии Платона», показать «схему учения Платона о пещере...»;
- или, допустим, предложить классификацию ушедших философов, их учений, выдавая все такое в качестве научения философией.

Конечно, все вышеописанное можно осуществлять, интеллект все такое умеет производить, фиксировать, но чем на самом деле являются такие мысли? Сумма такого – что это? То есть мысли Платона для меня возникают только после того, как я пропускаю через себя нечто прочитанное, и тут открытым является вопрос и перевода, и понимания раздельно существующих умов.

– В таком представлении сложно осознать такие вещи, как «философии Индии или Китая». Если предположить, что

это «определенные учения о...», то есть определенные мудрости, тогда это не существует как первая философия, и такое – это не философия в некоем сократовском определении?

– А что такое диалектика? Если философия – это отсутствие мудрости, тогда диалог, диалектика и другое – это способ остаться над схваткой? Способ, метод, позволяющий уходить от необходимости стать-быть мудрецом? А различные синтез, тезис, антитезис – это всего лишь операции интеллекта?

– Существует ли политическая, религиозная или иная философии? Если это та же странность, выявляемая при рассмотрение разного, но это разное в определенном смысле выявляется как политическая, религиозная или иная мысль, и только в таком смысле можно говорить о такой-то философии. В чем же ошибка?

– Часто говорят о какой-то политической или, допустим, религиозной философии как о каком-то учении.

– Но философия – это не учение, и если первая философия становится учением, доктриной, системой смыслов, концепцией, теорией, то есть тем, что пытается обосновать нечто и его объяснить, рассказать о чем-то, а также научить в нем действовать, то это уже не философия в ее изначальном варианте. А точнее, это не первая философия.

– И любое начало философии – это и есть ее конец. Она

замыкается на выявлении определенных странностей, при этом не создавая никакого положительного учения. Философия существует во время процесса выявления странностей, а после она исчезает, перестает быть... первой...

И, возможно, философия – это также и методология? Допустим, все может быть воспринято как метод, и для человека абсолютно все может выступать в качестве инструмента или метода, в том числе и философия. Конечно, такой метод обладает особым предназначением, и всегда возникает желание или даже соблазн использовать такой инструмент не по назначению, но это все приводит к тому, что философия исчезает и вырождается, становится чем-то иным, а не философией.

Философ – это не хранитель философской мудрости, а тот, кто изучает ставшую философию – это историк философии. Есть те, кто изучает поэзию, культуру, искусство в целом и т. п. И чаще всего изучающий не есть тот, кого он изучает. Точно так же есть те, кто изучает, преподает науку и те, кто ее создает. Есть те, кто практикует разное знание. То есть история философии констатирует какое-то ставшее мышление, какой-то ставший акт мысли, ставший чем-то пассивным, какую-то, так сказать, систему уже не мысли, какую-то на самом деле абракадабру, которая не есть то «живое» мышление, которое в акте происходящего обращается к «колодцу», к тому запредельному, к тому с той сторо-

ны, которое оно не может схватить, а схватывая, обращает в нечто мертвое, в явленную мысль. Поэтому любое «мышление об уже ставшей мысли» – это какое-то значительное упрощение, но даже такое упрощение, когда оно происходит, оно тоже постоянно ощущает на себе взгляд оттуда, и такой взгляд – это отдельные прорывы сверхмышления, которые возникают рядом при изучении даже уже чего-то мертвого.

Направление и содержание философского разговора

Странность философского разговора заключается в том, что он может выбирать любое направление. Если какая-то наука обязана⁴⁹ говорить о своем предмете, изучать свой выбранный предмет, рассматривать свои явления, то, в отличие от такого тот, кто намеревается вести философские беседы, или тот, кто изучает философские разговоры, может удивиться тому, что нет никаких ограничений в отношении тем, направлений, форм, форматов, содержаний... разговоров с некоторым «но»⁵⁰. И такой разговор – это в обязательном порядке еще и «обязательное состояние»⁵¹ того, кто ведет «та-

⁴⁹ Такое – это достаточно спорное заявление, а точнее, это даже в определенном смысле примитивное утверждение.

⁵⁰ Для автора таким «но» являются определенные «состояния», которые вызывает такое мышление. Но еще таким «но» принято считать некую «традицию» такого разговора.

⁵¹ «Такие состояния» – это табу для тех, кто считает, что такое мышление – это чистый абстракционизм, чистая рациональность, лишенная всяких чувственностей. Итак, такое чистое мышление как бы противостоит всему чувственному, потому что чувственное – это телесное, то есть низкое. Но состояние необязательно чувственное, а чувственное необязательно телесное, то есть низкое. Присутствующая активность целостна, можно выделить какое-то чистое мышление, но только в мышлении. Некое чистое мышление, в котором есть только запах формальной логики, имеет только «чистые формы» мышления. Такая традиция имеет давнюю историю, но, скорее всего, это допущение, упрощение... Но все на

кой» разговор. И без присутствия «состояния», то есть некоей «странности в присутствии», не возникает погружения в суть разговора, а также отсутствует его последующий «результат»⁵².

Все попытки придать таким разговорам какую-то конкретную форму или определить их предмет – это слабые попытки придать такому мышлению некую научную форму⁵³. Так аристотелевская⁵⁴ средневековая метафизика выбирает в конечном итоге⁵⁵ своим предметом вопросы о Боге, душе и мире как целом (условно теология, гносеология, онтология). Или критика такого, связанная с невозможностью выявить эти предметы в предметной плоскости. И тогда в результате, с одной стороны, об этих предметах возникает сумма как бы пустых схоластических разговоров⁵⁶.

Тогда возникает и оппозиция к такому, то есть смысл такого разговора видится в поиске и анализе познавательных

самом деле сложнее. Состояния – это ни в коем случае не противопоставление мышлению. В действительности «состояния» = «мышление», точнее, они тождественны.

⁵² Результат – это другое состояние мышления. Полученная «практика знать» о таком состоянии. Умение приближаться к такому. Разглядывать такое, иногда пребывать в таком. Но почему такое в одном случае есть, а для других отсутствует – это загадка.

⁵³ Научную, в том аристотелевском, а затем в томистском значении.

⁵⁴ Но что было основанием для всего этого мышления, и та изначальная традиция, она достаточно слабо понятна по разным причинам.

⁵⁵ Это определенное упрощение со стороны автора, и тут про Хр. Вольфа.

⁵⁶ Томизм, неотомизм...

способностей субъекта⁵⁷, с одной стороны, а также и возможности такого мышления дать обоснование «действительному», то есть научному познанию и знанию вообще. Итак, такое мышление, с точки зрения посттомистской философии, должно изучать познавательные способности⁵⁸ и быть методологией научного знания. И такое мышление в итоге развития, в своем итоговом вырождении тоже дошло до своих крайних границ отсутствия действительного мышления и достигло в итоге какой-то «ясной позитивности»⁵⁹.

Оппозицией такому становится «другое мышление», которое признало бесплодным, то есть не дающим никакого результата, «позитивное» мышление. И тогда такое первое мышление снова направляется туда – к возможности выбирать любое направление путешествия. Но в итоге, дойдя до своих крайних границ отрицания традиции, такое мышление вырождается и становится мышлением-манифестацией, ну или каким-то неопределенным разговором, каким-то пост-пост..., который пытается изобразить из себя какую-то значительность...

Что может быть результатом любого такого мышления? Например, а что может быть результатом научного мышления? В упрощенном значении – это сумма знаний о предме-

⁵⁷ Но кто такой субъект? Такой предмет точно есть?

⁵⁸ Такое мышление застряло между субъектом и объектом, но и то, и другое – это только допущение.

⁵⁹ Уверенного слабоумия.

те⁶⁰, а также это и те, кто осуществляет такое познание, это также его фиксация, прочтение, развитие..., то есть это целый процесс, а затем и применение такого полученного зафиксированного знания в другом для получения каких-то результатов, а затем взаимодействие с происходящим, участие в нем, попытки его выделить, понять, взаимодействовать, воздействовать и снова...

В чем разница между действительным философским мышлением⁶¹ и какой-то глупостью? Необходимо предположить, что все присутствующие в европейской традиции разговоры имеют своим основанием древне-греческую традицию.

Установим присутствующее мнение, о том, что обязательным способом определения «качественности» такого разговора являются разные обязательные условия:

- знание традиции, то есть тот, кто ведет «правильные» разговоры, должен в обязательном порядке глубоко знать предыдущую традицию;
- есть мнение, что любой такой разговор ведется в границах «разговора о бытии»; родоначальником такого разговора условно принято считать Парменида;
- можно предположить, что такой разговор должен быть

⁶⁰ Проблемы с «определением» предмета начинаются уже в математике.

⁶¹ Тут предполагается, что есть и другие традиции такого странного мышления. И такое мышление может возникать и вне какой-либо традиции.

каким-то образом кем-то (каким-то сообществом) определен в качестве «такого» разговора;

– и, возможно, Время, История⁶² (она) ставит точку в этих спорах, оставляя только именно такое мышление, а остальное исчезает в круговороте ушедшего бытия.

В итоге, рассматривая разные такие разговоры и совершенно разное такое мышление, можно в нем найти и что-то общее и что-то разное, и что-то совершенно непохожее, и никакой анализ не позволит понять, почему какое-то мышление будет действительно таковым, а другое иным, вплоть до иллюзии или даже имитации такового, доходящей до каких-то крайних пределов.

Можно понять такое мышление по-разному.

– Можно предположить, что такое мышление – это часть научного мышления, и что это его сверхабстрактная форма, а затем математика и далее... от абстрактных наук к конкретным. Такое мышление может служить научному мышлению при создании сверхновых теорий, оно может быть основанием для поиска преодоления существующих научных противоречий, может быть основанием для новых фундаментальных открытий, поиска новых направлений развития науки в целом, основанием для нахождения каких-то первичных свойств мироздания...

– Можно также предположить, что такой разговор мо-

⁶² Эти «силы»... тут показано, как можно «оживлять» слова.

жет иметь какую-то «практическую»⁶³ реализацию. Частично это может быть понято как методология для настоящей естественной⁶⁴ науки. А если также предположить, что науки разделяются на два больших предмета⁶⁵: «знания о мире» – это естествознание и «знание о человеке» – это гуманитарное знание⁶⁶, тогда такое мышление может быть частью вот этого гуманитарного знания. А если предположить, что «такое знание о человеке» – это различные гуманитарные дисциплины, например, политология, психология, социология, право..., тогда, являясь частью такого знания, такая наука (или основание) может производить различные теории, которые позволяют и изучать свой предмет (человека), а затем (исходя из представлений инструментализма) и управлять им, лечить его, изменять его, манипулировать им... Тут также возникает проблема с такими «науками», как военное дело, экономическая география, экономика... Но в итоге окажется, что деление научного знания на предметы – это

⁶³ Разделение на практику и теорию – это тоже только мыслительная условность, в любом акте присутствия есть целостность.

⁶⁴ Слово «естественное» имеет давнюю историю применения его в качестве установки каких-то особых смыслов, допустим, оно может подразумевать нечто: настоящее, правильное, действительное, единственное, истинное, натуральное, первопричинное...

⁶⁵ И тут придется признать, что такое разделение имеет своим основанием позднюю схоластику или, например, работы Хр. Вольфа, с единственным исключением говорящими о том, что в результате «позитивизации» науки где-то был утерян такой предмет, как Бог.

⁶⁶ Кое-где оно не воспринимается как научное.

условность, и определение чего-то в виде какой-то науки, а другого – в виде искусства, а третьего – в качестве ремесла – это тоже условность, которая имеет своим началом то мышление, которое способно все разделить на что угодно, а затем сложить эти мысли по различным параметрам, которые также будут иметь место в этом же мышлении.

– Можно решить, что это некое дополнительное знание, которое позволяет создавать мировоззрение, рисовать картины мира, давать «точку отсчета»..., с которым приходится считаться научному мышлению, при этом также игнорируя такое, так как это все же только пустые «разговоры о целом», которые не дают конкретное-прикладное знание. И со стороны такого позитивного мнения считается, что такие «разговоры о целом» необходимы отдельному индивиду «для того, чтобы не сойти с ума», и поэтому они допустимы, тем более, если в данном периоде уже значительно деградировало «состояние связи», которое ранее удерживало сознание в нормальном состоянии.

– В сильном значении – это опасное знание, это способ фальсификации реальности, то есть это средство для создания «идеологий», с помощью которых затем возникает возможность контролировать сознание-мысль и отдельного индивидуума, и каких-то сообществ в целом. То есть это и орудие контроля над массами, и инструмент борьбы с теми, кто присутствует на властном олимпе со стороны каких-то других конкурирующих групп. Такое мышление может разру-

шать что угодно: любые традиции, устои, практику, все существующее совокупное бытие как таковое.

– Можно предположить, что такое мышление – это какая-то наивысшая форма мышления, доступная только избранным, и что это мышление позволяет возвышаться над «серой толпой» не знающих такое мышление. И это также показатель «определенной онтологии». Отсюда можно сделать различные выводы об устройстве душ избранных, о праве возвышаться над другими низшими. Есть также предположение, что те, кто обладает таким мышлением, могут властвовать над душами живущих. Как? И таких разговоров может быть множество... (Аврелий).

– Можно представить себе, что такие разговоры – это обязательная часть культуры (праздная часть), что такое возникает на каком-то историческом этапе. Можно предположить, что это какие-то «праздные разговоры», и они не могут иметь никакой практической конкретной пользы. По сути, они бесполезны, единственная польза – это некая тренировка мышления, способ научиться свободно мыслить, то есть это какая-то методология развития ума...

Все, что было указано выше, может быть объявлено действительным в отношении такого мышления: оно может быть и основанием всего вышеуказанного, и способом, и попыткой его реализации, то есть оно может быть в состоянии становления такого или быть действительным для всего

этого. В итоге такое мышление, как реализация, может быть всем, чем оно захочет стать, а точнее, тем, чем оно сможет быть в итоге.

Но в своем первоначальном значении или само по себе такое мышление – это нечто другое, это, по сути, только странное мышление-состояние.

И что значит опыт такого странного мышления? Почему странного мышления? Дело в том, что некто, прожив какую-то часть жизни, что-то видел, что-то знает, что-то слышал... И обладая пытливым умом, он мог им продумать разное, оглядеть все закоулки этого, данного ему мира, и увидеть, что во всем этом очень мало того, что может остановить-удивить. И вот такой пытливый ум в поисках удивления может заметить, что удивить его могут только какие-то особые мысли, и поиски таких мыслей-остановок, и проигрывание таких мыслей, и ожидание таких мыслей становится особым интересом для такого ума. Тому, кто не стал на такой путь, такое неинтересно, для него такое безразлично.

Как понять, что же это за странность, которую видят философы и не видят другие? Почему у них есть рецепторы для ощущения странности при прокручивании разного, а другие эту странность не замечают? Но и одновременно – «все люди – философы»⁶⁷? То есть, возможно, все видят эти особые странности? И, возможно, кому-то они «режут глаза», а кто-то их может заметить только если ему на них долго указы-

⁶⁷ Карл Поппер

вать? И банальности, обыденности и всякие высокопарности – это не те странности, о которых идет речь. И многие могут всякие никчемности воспринять как философию, но философия тут ни при чем, человек многообразен, и глупость, слабоумие – это тоже часть его натуры.

Разве философия не существовала до греков или не будет существовать после? Возможно, философия будет существовать до тех пор, пока будет присутствовать способность ума замечать определенную странность. Но, известная в европейской культуре в виде философии «широкая фиксация странности» была предложена именно греками, и такое не отрицает того, что такое присутствует и в другой традиции. То есть все, находящиеся в мышлении, находятся в определенном странном состоянии, но замечание того, что мышление – это странность, или того, что над ним и в нем, есть нечто странное...

Иногда считается, что задача философии – производить какие-то всеобщие обобщения, крайнее выражение такого – это метафизика. То есть «мир больше, чем опыт», и как его объяснить? И тут предположительно можно нарисовать «схему мира», допустим, в виде какого-то «рационального» конструкта. Считается, что реализованный греческий подход – это именно способ избавиться от неопределенности, то есть это предложения «рационального конструкта описания Мира». Таким образом как бы возникает решение неопределенности, но такое – это только решение, но не сам Мир.

Но есть ли другие способы решения проблемы неопределенности? Можно ли предложить что-то другое, но что? Возможно, это различные способы отрицания необходимости решать такой вопрос в том или ином виде?

Допустим, радикально-позитивная наука или кантовский критицизм – это тоже способы отрицания метафизики, сюда же можно отнести и крайний скептицизм, и всевозможные виды нигилизма или атеизма⁶⁸. И такой неметафизический конструкт может быть не только всеобщим, он может предлагать решения в определенной выделенной предполагаемой части Мира.

Философия, замечая странности, при попытке эту странность схватить создает конкретность, и это становится после чем-то другим, каким-то учением, возможно, только неким бесполезным метафизическим учением. То есть, конечно же, философия, «как способ фиксации странности», не имеет узкой полезности, но и без нее тоже никак, разве что это запретить.

⁶⁸ Кантовский вариант говорит, что действительная метафизика невозможна из-за особого устройства разума (присутствия), а то, что предлагается в виде нее – это только негатив (иллюзия)... Но позитивизм, скептицизм, нигилизм..., отрицая это все, вместо философской метафизики предлагают научное или другое мировоззрение, то есть, опять же, какую-то негативную метафизику (рассказ), некое положительное мировоззрение, а как иначе? Проблему решать придется в любом случае! Или?

Выявление особой шизофрении

Присутствовавшая ранее (а точнее, всегда и присутствующая сейчас) «традиция мышления» понимается как «способ остановки шизофрении» и соотнесения этого куда-то в «понятное место», и этим местом может быть что угодно..., «любое место...». Но в этом всем нет главного, нет мыслей о самой шизофрении. Такие мысли в целом, такой разговор, который может происходить с другим, с самим собой, ни с кем, и может быть чем угодно. Формально, внешне, как процесс, это может быть некая медитация, только мышление, диалог, особый сон, состояние, способ жизни, другое и вообще все что угодно... И самое главное в таком, это загадочная возможность поговорить «о самой шизофрении», а в итоге и «побывать в такой шизофрении». И такое сложно понять, не пребывая в самом разговоре. И что есть такой разговор, а что есть попытка «быть в месте для шизофреников»? А что есть какая-то имитация такого? А также покажется ли «разное»⁶⁹ в результате такого собеседования чем-то другим для того, кто начнет такой разговор? То есть изменится⁷⁰ ли состояние того, кто двинется в таком направлении? Кем он станет, станет ли кем-то?

Как можно заметить аномалии, которые незаметны для

⁶⁹ Ни предмет, ни объект... речь не об этом.

⁷⁰ И насколько изменится?

обыденного и другого мышления? Как мы замечаем эту особую шизофрению? В каком смысле понимается эта особая шизофрения?

Многим из тех, кто может прочитать эти слова, возможно кажется, что он знает, что он существует, как он существует, зачем он существует, почему он существует, для чего он существует... А если он и не знает «это» как-то в каком-то сильном значении, то его здравый смысл говорит ему, что он точно может потрогать рукой свою голову, поглядеть вокруг и убедиться, что он тут и сейчас, вот он, он есть как «факт сейчас», у него есть имя, место рождения, своя история, известные другие вокруг.... Но вот, допустим, сильное значение – это загадка, поиск определения которой может быть раскрыт с помощью конкретного философского, интеллектуального, научного... поиска-ответа.

И у образованного представителя так называемого «европейского мышления» присутствует представление, что есть какая-то философия, которая может быть источником какого-то методологического сомнения, позволяющего твердо стоять на ногах тем, кто в сильном значении и не знает, «есть ли он»⁷¹, «как он есть» и «как есть то, что есть». И это «сомнение» – это какое-то средство от шизофрении, это способ остаться нормальным там, где совершенно отсутствует какая-либо нормальность⁷². Присутствие такого средства поз-

⁷¹ Что будет после смерти, что было до рождения. Где сон, а где реальность?

⁷² Стабильное не замечание аномалий.

воляет не заниматься серьезно сильными вопросами, так как есть выделенное для этого средство, и факта его присутствия достаточно⁷³. И задача такого средства:

– выдавать теории-разговоры про сильные вопросы, а это различные картины мира (мифические, метафизические, философские, физические, экономические, идеологические, политические... системы);

– позволять всегда иметь доступ к средству от шизофрении, то есть иди и удивляйся, и не морочь голову «нормальным».

И тут так же могут быть разные «довольные» разговоры у обладателей традиции сомнения. Например:

– не все могут подвергнуть себя этому сомнению;

– не все, но некоторое могут быть в нем;

– многие умели удивляться=сомневаться в детстве, но потом, увы, многие потеряли такую способность;

– но все же если вы будете удивляться, то вы будете заниматься таким методологизмом, и это так приятно, это определенное развлечение или избыточное удовольствие для праздного ума;

– при этом это может быть и разумным образом жизни, и какой-то ложной медитацией, и ... «научным» знанием, то есть различной совокупностью, нагромождением, которое в целом есть способ по-другому взглянуть на мир, способ праздного времяпрепровождения; возвращением в детство;

⁷³ Отправляем это все «туда»... к этому...

способностью удивляться; серьезным научным знанием; серьезной ученостью; классификацией рассказов о рассказах древних...

Выявлять особую шизофрению или некоторую странность состояния-бытия-присутствия можно с любого произвольного направления. Не имеет никакого значения, с чего начинать. Можно начинать с чего угодно. Можно выделить что угодно как начало: и ничто, и нечто, и какое-то слово, мысль, явление, себя, мышление, экзистенцию, эссенцию, другого... Можно предположить, установить, определить, понять, доказать, что главное – это познание или структура познания, а может быть, слово «бытие» или...,⁷⁴ и таких «или» может быть столько, сколько может выделить мышление.

Конечно, иногда мышление хочет найти себе такое «вот это» главное или «первое основание всего», с которого нужно начинать разговор. Но, скорее всего, такое «первое основание», начало разговора – это установленное самим мышлением, и такое установление не выходит за его границы.

Каждый предложенный и существующий разговор будет с чего-то начинаться, и иногда такое начало будет являться краеугольным камнем данного разговора, рифмой⁷⁵, к кото-

⁷⁴ Первое, истина, начало, апейрон, эксплуатация, свобода..., отчуждение...

⁷⁵ Например, пифагоровская положительная мета – это сведение всего к числу, что позволило обратиться к возможности применения схем из до-мышления к

рой будет сводиться весь рассказ⁷⁶. Но такое сводимое будет, опять же, затем опротестовано в каком-то мышлении, что еще раз показывает, что такие установления установлены только в мышлении. Но только ли?

Иногда будет предложено какое-то первое основание, решение, точка, к которой должно сводиться все предложенное затем мышление. Но затем снова и такое будет преодолено и развенчано, что, опять же, указывает на то, что любое начало не просто произвольно определено, оно есть, но только для присутствующего разговора. Но, опять же, только ли?

Тут же напрашивается разговор «о том, что некие основания – это все иллюзия, а в действительности их нет». Или, возможно, что это только то, что придумало себе мышление? А все эти различения – это только акты мышления? И такие акты мышления действительны настолько, насколько действительно мышление? Они реальная реальность мышления⁷⁷... мышления, которое стоит за всеми этими актами, точками, началами, оформлениями, словами, языком, определениями, действиями...? И тут возникает вопрос: а что с той стороны, и что иллюзия? Но, возможно, ответ говорит о том, что и «иллюзия», и «то», и «это» – это все с той же стороны, с какой и мышление. Мышление все может противопоставить себе, все может выделить как другое, определить

тому, что тут.

⁷⁶ Перейти к метаконструкциям.

⁷⁷ В этом весь Гегель с его пониманием действительности метафизики.

как свое, но это именно его способность выделять что угодно, при этом это выделение всегда с этой стороны, с какой есть мышление.

И главное в таком процессе – это оказаться в том пограничье, достичь которого нельзя в границах обычного мышления. Поэтому разговор можно начинать с чего угодно, и это «чего угодно» будет определять автор разговора, и «о чем угодно» – это тоже будет определять ведущий повествование.

Итак, разговор часто начинают с бытия или с вопрошания, но в каком-то смысле разговор стоит начинать с тотальной неизвестности и неопределенности всего происходящего и не происходящего.

Стоит воспринимать аномалию в качестве странности, которую нельзя понять в каком-то простом значении. И не стоит понимать особую шизофрению как рефлексию или какую-то двойственность. Все сложнее, шизофрения в данном случае – это не просто какой-то случай противоречивой оценки чего-то, а также это не представление о том, что есть какой-то способ по-иному взглянуть на что-то. Предположим, что происходящее имеет особый запах какой-то выявляемый запах, и этот запах, выявление его – это и есть определённая форма шизофрении, то есть замечание ненормальности нормального.

Весь язык – это аномалия. Вся включенность – это анома-

лия. Все, о чем может быть мышление, все, как может быть мышление, все-мышление – это аномалия.

И всегда может возникнуть мысль: «а тот, кто был до меня, и тот, кто рядом, он испытывает те же ощущения, что и я?»»

Например, все обыватели знают, что такое «время». Оно есть, оно понятно, но предъявить его невозможно в качестве данности. И когда такое устанавливается, тогда нет передела удивлению..., и оказывается, что все присутствует именно так – «и непонятно, и конкретно», и именно «непонятно-конкретно». То есть оказывается, что реальность не дана непосредственно⁷⁸. И «мир», и «пространство», и ... все – это неизвестная конкретность. И поэтому «объяснений» этого неизвестного может быть бесконечность конкретностей... И никто не имеет никаких «достоверных»⁷⁹ данных о реальности, кроме дурной конкретности⁸⁰, и отсюда возможность множественных интерпретаций, теорий, объяснений. Отсюда множественность производных и вводных..., отсюда бесконечная неизвестность бытия и небытия, явленного в качестве неизвестной конкретности.

Любое путешествие меняет путешественника, поэтому однозначно, что все происходящее происходит, меняется...,

⁷⁸ Тут может быть множество различных объяснений.

⁷⁹ Последних.

⁸⁰ Подавление конкретных актов себя в качестве доказательства понятий.

и в этом нет ничего странного, кроме того, что странник «замечает такое как странность...», и это и есть «начало разговора о шизофрении...»

И безопасным для тех, кто боится отойти от берега, является то, что такое путешествие состоится, станет путешествием только для тех, кто может, хочет... его осуществить, а для остальных это будет являться просто «чем-то ни о чем...».

Какая же польза от такого «разговора о шизофрении»? Так же, как и от другого – никакой! «Польза» и «шизофрения» не имеют ничего общего кроме того, что их различение происходит только там, где есть мысль, которая может это установить...

Бесполезность философии (и другого) в качестве какого-то ремесла, в качестве обычного способа производства прибавочного продукта

Любой, кто говорит, что философия (и другое) не предназначена для того, чтобы с помощью нее достигать финансового благополучия, производить прибыль, участвовать в примитивном распределении общественных благ, то он, конечно же, тот, кто производит определенные слабоумные размышления. Как можно произвести обычный продукт для товарного рынка, занимаясь стратегическим управлением или, например, занимаясь музыкой, образованием-воспитанием, медициной? И, возможно, что производство примитивного продукта для реализации на каком-то товарном рынке – это из какого-то прошлого, какого-то доиндустриального, из какого-то натурального хозяйства или даже чего-то до этого?

И такое несчастное мышление той культуры, которая, скорее всего, находится в очередном «конце своего пути», конечно же, может быть. И такой утверждающий, чаще всего, какой-то представитель от какого-то ранее возникшего (ан-

тичного или более древнего) культурного продукта, а точнее, это какой-то ремесленник от той уходящей культуры. И тут, для понимания такого, может быть взято что-то из Шпенглера и его «Заката». И такой специфический мыслитель в обязательном порядке умеет интерпретировать какие-то схемы, которые якобы являются важными мыслительными конструкциями тех, кто когда-то в той античности занимался подобным. Но, в общем, о том исчезнувшем действительном мышлении вся эта постинтерпретация мало что говорит. И такие слабые разговоры уже не могут приблизиться к порогу «разговора об основаниях», они не связаны через слово с неким скрытым все-мышлением. И, конечно же, такой постмыслитель употребляет какие-то слова, создает из них какие-то предложения и, с точки зрения внешней грамматики какого-то языка, это все вроде как бы адекватно, но вот с точки зрения особой содержательной характеристики такого, это все какое-то ничто.

Но это все не отменяет значения сильного мышления (и того странного за ним), но именно действительного мышления (возможно сохраняемого в домах мудрости и в монастырских библиотеках из «Il nome della Rosa»), которое как всегда связано с производством неких оснований, некоей адекватности, что позволяет определенным образом присутствовать в этом безумии. И такое производство, конечно же, никак не связано с какими-то слабоумными разговорами о разном гешефте, такое – это нечто другое. Но непонимание

«связей и цепочек производства благ в сложном происходящем» – это, конечно же, проблема тех, кто, увы, такое не понимает...

И все это присутствующее было воспроизведено всей этой исторической совокупностью, а это и все те, кто был ранее, а также и то, что присутствует само по себе (условия, данности). И если оценивать все это совокупное участие в таком в качестве именно «способа производства», то доля каждого и тех, «кто стоит за станком», и «тех, кто почему-то не стоит», будет, возможно, и не так велика. Но все будет зависеть не от условной доли, а от того, кто будет и как будет делить такой «пирог». И «справедливость» в таком вопросе – это всегда достаточно-предельная условность, и, конечно же, несоблюдение какой-то справедливости может приводить к какому-то дисбалансу, разрыву и катастрофе... Но?

И твое место в этом процессе – это не результат твоего ума, твоего рождения, твоей телесности, твоей удачи, твоей функции или полезности того, что ты производишь, а это все намного сложнее... То есть и все это, и твое место в этом, но все это сложнее... И те кто мыслят слабо-предметно, но почему-то считают себя производителями высокого мышления, не понимают всей глубины разных непредметных разговоров, где нет обычного предметного продукта и т. п.

Но почему иногда, в некоторые поздние средневековые времена и в некоторых образованиях философский факультет, ну и другие, так сказать, гуманитарные отрасли яв-

ляются сверхзакрытыми образовательными направлениями? Возможно потому, что кто-то хочет защитить свои основания (Контрреформация)? Потому что такие основания какое-то именно становящееся мышление может расшатать, подорвать, атаковать или может подложить другие основания (Гуманисты)? Или, возможно, такое может выдавить из себя некую мысль, которая превратит существующую адекватность в нечто иное (Лютер)? Или, возможно, какая-то мысль может придать существующему видимость какого-то безумия (Ницше)?

При этом, опять же, разговор «так, а что же есть действительная адекватность?» – это для такого мышления ничто. Исходя из такого и нужно оценивать значение действительного философского мышления в качестве определенного сильного разговора об основаниях. Но, если нет силы понять такое и нет способности воспроизводить такие разговоры, то это какое-то переименованное из Канта «о каком-то пчеловодстве, садоводстве».

И, конечно же, любое пребывание в частном смысле может понимать себя по-разному, но иногда есть и общий контекст, есть и сильная оценка кем-то этого происходящего, которая может значительно нивелировать любое мышление о себе.

Отсутствие оснований, остановки, остановленности, действительной действительности

Отсутствие действительных оснований

Дар напрасный, дар случайный,

Жизнь, зачем ты мне дана?

26 мая 1828, А. С. Пушкин

Существует различное продумывание «проблемы отсутствия оснований» и выявления такого на свет.

Один из аспектов – это сократовское «Я знаю, что я ничего не знаю». Но в обыденной интерпретации – это какая-то сомнительная, незначительная банальность. Ну да, я знаю, что я чего-то не знаю, что-то знаю, а что-то, кажется, не знаю, и такого знаю-не-знаю – множество разного, и над таким можно многозначительно ухмыляться. Но сократовское удивление о своем незнании никоим образом не связано с этими вздохами о незнании. Любой присутствующий что-то знает, а о чем-то и не знает, но некое «я знаю о том, что я ничего не знаю» говорит о том, что у присутствующего в тотальном смысле отсутствуют какие-либо основания.

И понять такое «...не знаю» в границах обыденного мышления почти невозможно, такое понимание требует значительного напряжения, только очень близкое звучание, отголосок такого – это нечто про то, что «Я знаю, что оснований нет! Нет никаких оснований! Основания отсутствуют! Все что происходит – это тайна, загадка! О том, что происходит,

и о себе в том числе ничего неизвестно! Ничего в тотальном смысле! Я и все, во что я включен – это непонятность! Все другие вне меня – кто это или что? Весь мой язык, вся моя память, все мои ощущения, вся моя история, мораль, причина присутствия... – это нечто странное, непонятное, загадочное, никчемное, проклятие, дар!⁸¹ И моё ли это?

И для того, чтобы до конца ощутить «все это» «...не знаю» в полной мере, и что это на самом деле значит, нужно, придется двигаться по значительной, извилистой траектории. И такая «траектория погружения» в итоге сможет позволить прикоснуться и, возможно, заметить какие-то **кванты действительного бытия**, и такое, возможно, мелькнет в сознании, но затем опять угаснет, и чтобы заметить их вновь, необходимо будет опять найти силы, какую-то энергию для того, чтобы пройти этот путь снова. Каждый раз такое напряжение будет менять путешественника, но чем будут являться такие изменения в итоге? «Чем в итоге»⁸² в каком-то тотальном значении⁸³?

Предположим, что между умом и «вещью в себе» всегда присутствует «нечто», и это «нечто» – это то, что возникает в результате разворачивания трансцендентальных апперцеп-

⁸¹ Сложность полного погружения в это заключается в том, что такое понимание – это не только сухая мысль, это еще и странное состояние, но как быть, если состояния нет, а есть только слова?

⁸² Открытия какого-то «чем» могут многое менять...

⁸³ Лекции Пятигорского «о буддийской философии».

ций, это некое «зрение», с помощью которого как-то дана (но не дана) «вещь в себе». То есть это весь массив связывания, «что-то» позволяющее понимать происходящее тому, кто существует «как акт».

Кантовская «вещь в себе» существует непонятно как, но предположительно почему-то она подчинена или «повернута так», что ее можно каким-то образом воспринимать⁸⁴ с помощью кантовской трансцендентальной апперцепции, то есть человек способен каким-то образом «рисовать» «разные конструкции» и «вещи». Это могут быть и математические, и другие, любые другие конструкции, которые определяют-неопределяя «вещь в себе» и таким особым образом позволяют с ней как-то странно взаимодействовать.

Можно предположить, что где-то там, где есть некий микромир, и наши апперцепции не дают ничего понятного, потому что они не подстроены под то, чтобы как-то определять какую-либо ино- или микро- или другую предполагаемую реальность. То есть тот-этот мир существует иначе, и такой мир никак не соответствует нашим трансцендентальным апперцепциям. И они (апперцепции), условно можно сказать, возникли, развивались как результат взаимодействия с этой «видимой» частью реальности. И тут возникает вопрос: а если это действительно так, то откуда возникают мысли про некую ино-реальность или, возможно, происходящее в обычной реальности что-то говорит о том, что там есть нечто

⁸⁴ Воспринимать, но, увы, без последнего восприятия.

непонятное? Или тут-там, возможно, «происходит» как-то по-другому? Возможно ли, что условно видимая полоса мира, то, что «видно» в апперцептивной данности, как-то подстроено под наше восприятие, под наше мышление или мы подстроены под него, а все, что находится в другом диапазоне, это нам недоступно? И чем может быть на самом деле «та-эта-реальность», которая находится вне нашего восприятия? Что о ней можно знать? Каковы ее пределы, границы, измерения? Как с той реальностью связаны наши мыслительные акты, которые выходят за границы наблюдаемого?

Можно предположить, что точно так же, как есть представление о том, что у нас есть порог слышимых нами каких-то колебаний «от и до какой-то амплитуды», присутствуют и определенные понятия, понимание в целом, структура языка, способности мышления... И это – вся совокупность, в которой нам дано происходящее, и происходящее с нами, то есть определенная совокупная трансцендентальная конструкция. Но все, что, возможно, выходит за границы такой конструкции, невидимо, не в плане зрительной видимости, а во всех планах, в совокупных планах, то есть, возможно, есть некий «незримый план бытия», а то, что видимо как бытие – это только нечто видимое, только кажимость, что-то отраженное от действительного бытия. Возможно, не просто отраженное, а какое-то странно-связанное, но как? И тут можно вспомнить платоновскую пещеру или подобные же воззрения о соотношении явного, налично-

го, невидимого... действительного, истинного..., о различных вещах-не-вещах и многом другом. Тут можно предположить не только «единственный невидимый план бытия», а их множественность или даже нечто иное... Можно предположить существование различных ино-объектов, ино-связей, ино-мышления, ино-не-мышления, ино-не-бытия, ино-структур..., какого-то ино..., всего того, что выходит за границы нашего возможного совокупного восприятия-мышления.

И тут следует вопрос: а что это за «ино»? Как оно существует, если в обычном значении узнать о нем невозможно? А возможно ли какое-то взаимодействие с этим «ино» из видимого мира, и что это за взаимодействие? А возможно ли, что взаимодействие происходит постоянно, но понять-замечать это взаимодействие невозможно? Но если могут возникнуть какие-то способы взаимодействия, то насколько это изменит конкретно этот присутствующий явный план бытия?

Другой аспект проблемы отсутствия оснований – это замечание отсутствия действительного смысла в себе, отсутствие явной цели бытия тут, что является значительным бременем для тех, кто присутствует. И все включенные как-то⁸⁵ догадываются о таком так или иначе, и такое прорывается на

⁸⁵ Такие «как-то» постоянно присутствуют, возникают, мелькают в сознательном присутствии.

поверхность даже самого неразличенного сознания... И тем, кто узнал такой секрет основательно или до какой-от основательности, им придется с этим жить..., и чем будет являться такая жизнь? Она станет каким-то способом самоуничтожения, выстрелом в голову, не просыханием, сплошным гедонизмом или, может быть, это все озарит какая-то безумная сверхцель?

Вероятно, можно перестать искать основания и обратиться к чему-то текучему, к самой текучести, наблюдая, как текучесть течет, самому окунувшись в это..., перестав замечать что-то другое..., и так и быть..., пока будет присутствовать это конкретное бытие...

Иногда так бывает, что «знания об отсутствие оснований» отсутствуют по определению, но присутствие⁸⁶ все равно тяготит. Сложно каждый день брести туда, в какую-то бесполезность, по той дороге, которую ты не выбирал. И тогда может возникнуть какое-то отпадение от происходящего..., но такое забвение – это какая-то нищета, сначала духовная, а затем и другая...

Случается, что тот, кто знает «о тотальном отсутствии оснований», может определить для себя какую-то вроде бы как цель. Затем он будет жить для этого, проявляя себя в качестве какого-то даже творца, и не замечая остального... действительно-присутствующего кричащего бессмыслия...

Бывает, что сама субъективизация и само включение мо-

⁸⁶ В котором нет оснований.

жет восприниматься «как какая-то цель присутствия тут», что может становиться смыслом для тех, кто присутствует во включенности. И такая цель может служить основанием для всего происходящего, для всех включенных в эту цель. Но и такое со временем может начать тяготить... Строить вместе что-то великое и значительное, идти к какому-то благому чему-то тут – это мощное основание для того, кто лишен последней причины быть тут, но и это со временем станет ничем...

Наличающееся отсутствие каких-либо оснований – это то, в чем приходится убедиться духу в попытках определить основания. И такая безосновательность – это страшное открытие⁸⁷ для каждого духа, который вначале своего пути не знает о таком (или знает, но забыл?). Он живет через включение. Пребывает тут и сейчас. Но отсутствие оснований – это и значительные возможности духа, и одновременно – это и основание для всех видов безумия.

И любого основания бывает мало..., и тогда может быть разное... Поиск оснований, когда «точно известно», что их нет ни в тебе, ни в другом, ни в этом происходящем – нигде. Требование услышать-уловить-осознать-понять что-то запредельное может быть «началом какого-то пути», но это «может быть» обращено против тех, кто попытается искать такое, тем более, что каждый присутствующий постоянно требует получить такое состояние, даже если он явно об этом

⁸⁷ Если оно, конечно же, произошло.

и не знает. Но что есть «действительный путь» к тому, чтобы понять основания – это загадка для тех, кто тут, и, возможно, ответ на нее будет дан только там, в каком-то другом.

Ощущение тотального отсутствия оснований, но такая мысль предполагает, что есть какие-то основания или что они могут быть как-то обозначены, или, возможно, обречены в каком-то сверхакте, молитве, откровении? Но в слабом значении отрицание чего-то предполагает наличие этого, того, что отрицается, точнее, какой-то личности. Но отсутствие оснований не равно отрицанию – это что-то другое. Точнее, все, что может быть понято как основание, может быть после такого, после попытки определения в качестве основания, может оказаться чем-то другим, а затем другим, и снова другим... , что в итоге раскроет наличие отсутствия оснований. И то, что будет наличествовать, это будет только какой-то театр теней, какой-то сон наяву, в котором находится «присутствующий в тут», обнаружить которое ясно никак не получится. Но это тоже не дает никакого окончательного ответа, наоборот, это будет предполагать наличие тотальной непонятности, которая может означать разное, разное что угодно – и присутствие оснований, и незримых для этого присутствия, и отсутствия их вообще или того, что это все умствования, а что на самом деле – это тайна.

Присутствует различный опыт мышления об отсут-

ствии оснований, который может возникать с любого направления. Но такой опыт – это не обычное удивление или какое-то сентиментальное вопрошание. Такой опыт не возникает после какого-то желания перейти к нему. Для пребывания в таком состоянии нужны «странные усилия».

У многих есть точка отсчета. Но что есть такая «точка»? Точка, когда произошла «остановка». Вот ты бежал, шел, спал, неся, учился, работал и... И вот в какой-то момент ты остановился и...? Это может произойти в детстве, в юности, в старости или никогда. Возможно, тебя остановил кто-то и сказал: **СТОЙ!** И с этого момента можно начинать отсчет. Посмотри! Но на что? Остановись, не беги, завтра этого не будет, не будет того, что сейчас! А после этого не станет и тебя... меня, нас... Все, что ты испытываешь сейчас, все радости, все, на что ты смотришь – это все перестанет... исчезнет... Удивись! И запомни! Это! Удивление...

Возможно, и медитации мистиков⁸⁸ – это тоже определенный способ понять, что оснований нет, что основания отсутствуют... то есть, различные состояния глубокого погружения – это состояния каких-то мыслительных медитаций, какой-то необычный как бы сон. Сюда же различные первоначальные интеллектуальные практики. Всегда, если долго думать над каким-то вопросом, погружать в него свое мышление, погружать вопрос в мышление, пребывая в таком мышлении, и тогда мышление становится еще каким-то состоя-

⁸⁸ Разных мистических традиций – это неважно.

нием, потому что никакое мышление не присутствует без состояния такого мышления.

И «Смерть Бога» у Ницше – это переживание момента «осознания отсутствия оснований», и «понимание такого отсутствия» – это не какой-то бытовой акт, это очень значительное интеллектуальное переживание, которое связано с достаточно глубокими, тонкими значительными духовными действиями, длительностями.

У Юнга «понимание отсутствия каких-либо оснований позволяет выбирать любое направление в нашем волевом творческом акте принятия любого решения», и это, прежде всего, «выбор между добром и злом». Но что такое «добро» или «зло»?

Неадекватность

Некий «мир» не имеет никакого обыденно-выявляемого смысла, в нем нет ничего, что может заинтересовать дух. Вещь не обратима в дух, вещи недоступны⁸⁹ духу, и для него все это остается бессмысленным. И, возможно, только какая-то цель создает для духа смысл⁹⁰ в этом мире, какую-то необходимость пребывать тут?

Пребывать тут – это каждый день что-то делать, каждый день преобразовывать бытие, каждый день создавать какое-то мышление, выделенное мышление, мышление-действие..., практику... А это и производство радости, и производство правил, и производство управления, и последующего за этим производства общности. И вот это все и есть пребывание тут в каком-то внешне-выявляемом ключе. Но за этим всем внешним есть еще разное, разное то, что непонятно явленным образом.

Время обладает возможностью уносить все в прошлое. А что такое прошлое? Это какое-то ушедшее бытие, не бытие, инобытие? Как существует прошлое? А время, которое куда-то что-то уносит – это только фигура речи? Что это за состояния, как происходят такие присутствия или отсут-

⁸⁹ Для того чтобы такое понять, нужно это понимание развить, а в обыденном состоянии такое понимание является недоступным.

⁹⁰ Достаточно условное предположение.

ствия?⁹¹

Кто из включенных может остановить уходящий поток? Кто может остановить происходящий поток? Кто может, но может ли? И что будет после исключения? Может быть, он будет включен снова, но по-другому? И остановиться можно только в мысли, в каком-то мышлении, стихе, рассказе, фантазии, но затем происходящее поглотит и это...⁹²

В любой момент можно заметить, что всегда «замечаемый» мир – это уже «вчерашний мир», и его нужно описывать, то есть понимать, а значит, описывать, но это всегда уже нечто ушедшее, не говоря о том, что это только описание какой-то «вещи в себе».

Каждое художественное произведение, книга – это взгляд на произошедший мир, это картина, это зарисовка какой-то части того, что зарисовывается. Такая зарисовка – это странная вырванность чего-то из чего-то, чего-то из мира мысли, из мира того, откуда родом мысль, и также это зарисовка чего-то происходящего тут, и такая зарисовка позволяет, разглядывая ее, оказаться сразу в двух мирах, и в мысли, и о том, о чем мысль. Такое погружение позволяет ощутить это произошедшее в мысли и о том, о чем мысль, но что остается после погружения? Остановись.

И этот зарисованный мир, который находится на той стороне зарисовки, постоянно куда-то движется, но куда, и есть

⁹¹ См. что-то подобное у Пруста «о природе времени».

⁹² Что-то взятое из работ Мамардашвили.

ли такое движение или это иллюзия? И если это куда-то движется, то что из этого движения можно выявить, а также что можно понять о том загадочном «куда».

Можно заметить разное, но конкретно можно заметить живущих людей, конкретные предметы, а также разное вообразимое происходящее или произошедшее с этим всем. Но это нынче живущее, а через миг его-их уже нет⁹³. Все созданное и действующее сейчас, все присутствие – его через миг уже не существует либо оно другое, либо становится чем-то другим, либо является чем-то другим.

И это «все»⁹⁴ направляется куда-то (в неизвестность) как бы само, но одновременно направляемое в это неизвестное, но куда-то (то есть к какой-то известности), какой-то неизвестной⁹⁵, но причиной, то есть каким-то конкретным побуждением. Загадочное «все» можно обозначать разными словами и наделять разным содержанием, например: «природа», «мир», «вселенная», «космос»... И причину можно определять словами: «Бог», «природа», «эволюция», «закономерность»... Но все происходящее или не происходящее, присутствующее, но отсутствующее, возникшее⁹⁶, но вечное – это загадочная тайна.

Но если представить себе в границах какого-то очеред-

⁹³ Прокл, Дионисий Ареопагит, Дунс Скот, Ансельм...

⁹⁴ Что такое это «все»? Это загадка, это тайна...

⁹⁵ Пустой, но рукой.

⁹⁶ Из...? «точки»?

ного естественного позитивизма, что это «все» есть как «нечто» и что у него есть какая-то позитивная (но пустая) причина, то вопрос о том, куда, к какой цели устремляется этот позитивизм – это открытый вопрос, отталкиваясь от которого можно разглядывать и «все», и «причину». И тут в этом всем могут быть мысли о хаосе и порядке, и о космосе, и о логосе, и обратном этому, и о каком-то метафизическом свете и тьме, и о противостоянии чистого того, что там, и мерзкого того, что тут. Но все это, опять же, какие-то мысли, желающие придумать, «почему это все есть», и одновременно, почему оно не достигло какого-то своего завершения или окончательной цели? А если такая «картина мироздания» – это очередная «картина» мироздания? А «то, что есть», очень возможно, что оно «больше» всех этих мыслей о нем? И это «больше» может означать разное или не значить вообще ничего?

Присутствующее замечание чего-то происходящего замечает это происходящее, но в чем смысл этого происходящего? Как можно понять это происходящее? Имеет ли происходящее какой-то смысл? И тут, возможно, что тот, кто замечает, рисует нечто, то, что происходящему не присуще, придумывает этому происходящему какую-то содержательную картинку, но насколько нарисованное тождественно тому, что происходит на самом деле? Или весь смысл – это только внутренняя способность того, кто способен замечать? А может ли быть так, что «смысл всего происходящего» как-

то существует отдельно и от того, кто замечает происходящее, и от происходящего?

Но что есть присутствующая адекватность на самом деле? Если при этом все предыдущие адекватности – это заблуждение? Но присутствующие присутствуют и далее, и те, кто-то за ними, и какие-то их последователи, наследники, прямые потомки, причем присутствуют те, кто смог выжить в таком безумии, те, кто думал, что он проверяет присутствие на адекватность и почему-то выжил, но почему? Потому что их присутствие было самым адекватным⁹⁷ или, наоборот, неадекватным, или...? Теория адекватности выживших – она самая адекватная=истинная или выживание и наследование не совсем так связаны с адекватностью, а как-то по-другому? А, возможно, это никак не связано? Тем более, что через время такая очередная адекватность опять опровергается? Возможно, тут есть место какой-то удаче, року, предопределенности, тайне, случаю? Возможно, участие в происходящем имеет какую-то «скрытую» адекватность, а вся «определяемая» адекватность – это только то, что в бодрствовании, а то, что во сне, в бессознательном – только оно есть адекватность, и подключение к нему дает возможность опираться на «действительную» адекватность? И история не рассказана до конца никогда, пока есть рассказчик, но его наличие, как и наличие его истории, говорят о том, что ко-

⁹⁷ Практика – основной критерий истины! Какие бесполезные слова...

нец все же есть⁹⁸. И если из середины повествования кажется, что вот эти живущие адекватны, то что затем, когда их не станет и не станет тех последних? И это докажет, что это все совокупное, вся история этого присутствия, от его самого глубокого начала и до полного завершения являлась неадекватностью?

Тут могут быть разные оды – ода нигилизму, ода безысходности, ода никчемности, а могут быть ода вдохновенности, ода всемогущества или даже оды безумия. Все эти оды существуют сразу, но каждая из них при проигрывании создает разное присутствие, а точнее, некий дух, который стоит за этим, действует совершенно как-то по-другому.

Есть мнение, что различные религиозные учения утверждают, что присутствующее состояние – это аномалия, а то, каким должно быть другое какое-то состояние – это правильная реальность. Или, например, что «эта жизнь» – это все только иллюзия, которая скоро закончится, и тогда «все станет на свои места». Или, например, что присутствующее – это подготовка к чему-то иному... Все эти мысли имеют под собой очень значительное основание.

Тот, кто присутствует, он всегда «присутствует в этом» или в другом таком же, в «следующем этом» не как во множестве состояний – он присутствует в себе самом, в своем происходящем, и это не часть его, не другое – это он сам. Все вопросы про «кто Я, куда Я иду, что будет... что было,

⁹⁸ Или его нет?

что есть... ???» – это не внешние вопросы, это вопросы моего присутствия тут и сейчас, и завтра, и вчера и любого моего момента. И это не говорит о том, что есть какой-то очередной примитив, то есть, например, какая-то естественная религия или что-то другое прилагаемое. Слово «религия» – это упрощение, и таких упрощений в языке множество, точнее, сам язык – это способность упрощать, а то, что присутствует как «какой-то конкретный путь» – это другое. Есть «включение в этот путь к ...», есть присутствие в этом присутствии-состоянии... Когда возникает включение, исчезает всякое внешнее. Когда нет включения, тогда будет слово «религия», но это слово не позволяет понять, что там с той стороны, и это только метка для ума. И такое «включение в путь» – это всегда включение в путь. И наше присутствие – это и есть путь, и «все, во что происходит включение», становится такой дорогой, а дорога становится включением. Это касается вопроса метки-языка, метки-имени, метки-происходящего, метки-субъектии, метки... и другого, что может выделяться в виде «только слова», но там, с той стороны есть только включение или есть «что-то другое»? И такое включение, и другое неминуемо включают в себя постоянное ощущение отсутствия какого-то понятного присутствия, что требует поиска пути-возможности включения для нахождения истинности своего присутствия, и когда такое будет найдено, тогда это становится не внешним, а включенным-конкретным по Гегелю.

Упрощенно «время» по Августину можно понять так: прошлое – это уже не существующие предметы, будущее – это представляемые предметы, а настоящее – это предметы, доступные непосредственному восприятию. Но все такое меркнет перед представлением Канта, причем и кантовская интерпретация может быть осмыслена множеством раз. Как все это очередной раз можно продумать? Что известно или неизвестно, можно только очень условно предположить, что «происходящее происходит», и сюда, в это совокупное происходящее нужно включить все, то есть и то, что было, и то, что будет, и то, что происходит, и все акты мысли, и взрывы звезд, и все колебания ненависти и любви..., все поражения и победы, все проступки и преступления..., все мысли о запредельном, о втором дне, о невидимых планах бытия, какое-то «совокупное все». Но это «совокупное все» – это нечто недоступное восприятию в простом значении; для ориентирования в этом тотальном происходящем, которое есть «тотальная вещь в себе», у человека присутствуют «механизмы ориентировки», некие условно познавательные способности; к таким необходимо отнести (по Канту) «время», «пространство» и другое. Конечно, сам кантовский механизм присутствия в присутствующем значительно сложнее, но в каком-то упрощенном значении это так. И такому противостоит мнение, что нет никакой «вещи в себе», и присутствие дано нам непосредственно. Но такое представление всегда может заметить некую онтологическую

реальность, взаимодействие с которой в «предметном» значении бесполезно, и тут оказывается, что и предмет «время» – это нечто странное, неизвестное, непонятное, недоступное..., а в итоге необъяснимое, и все попытки объяснить его, как нечто отраженное от «реальных» предметов – это примитив... А когда зрение слепого «улавливает» и другие сущности, и другое разное странно-происходящее, различные акты судьбы, различную сложность, которая совершенно непонятна с точки зрения «предметного» мышления, то тогда, в этот момент возникает желание перестать что-либо воспринимать...

Стремление понять все

Что такое определенно понять или даже окончательно понять все? Есть ли окончательное понимание? Или понимание – это вибрирующая величина, которая постоянно пульсирует, и из нее выскакивают какие-то новые осколки, оттенки понимания, которые затем становятся чем-то омертвевшим, каким-то понятным, но замерзшим, застывшим, а через миг уже непонятым, а через миг уже не мыслью, а чем-то другим, но чем?

Каждый, кто когда-либо удивлялся многообразию того, что существует вокруг него, пытался понять это ВСЕ. И для этого обращался к разному, разглядывая все вокруг через разное, используя разные инструменты и способы изучения всего. Затем такой ищущий обращал внимание на серьезные традиции, на то, что имеет определенный авторитет. К такому можно отнести науку, философию... Но кроме такого есть и другое: искусство, мистицизм, религия..., а также и обычные, и необычные состояния отдельного присутствующего тут, то есть духовные состояния самого исследователя. И всегда присутствует мечта, мечта узнать обо всем все окончательно, то есть представим себе, что:

- можно узнать, где находится каждая вещь во Вселенной;
- можно понять, что есть эта Вселенная в ее последнем значении;

– можно узнать, о чем думает каждый;

– можно стать бессмертным;

– можно узнать о том, что было вначале, что будет в конце, почему возник именно этот мир, есть ли этот мир или это какое-то безумие?

...

Но в итоге окажется, что почему-то нет никакой возможности каким-то образом окончательно понять происходящее, но все же «что-то» понять можно? Происходящее происходит независимо от наших желаний, и, скорее всего, у нас нет возможности изменить его в каком-то тотальном значении, и у нас, возможно, есть только какая-то небольшая возможность влиять на это происходящее в каком-то слабом значении. Но чем является «изменяемое» и что-то «понятое» затем в таком слабом значении? И чем является эта «слабая возможность», как можно понять вот это наше «такое слабое влияние»? И как затем «меняется»⁹⁹ сильное происходящее уже после нашего слабого вмешательства – это все тоже какая-то непонятность... Что есть «сильное понимание» и «слабое понимание»... влияние, взаимодействие..., и есть ли такое вообще?

Иногда кажется, что есть возможность не просто «что-то понять», а «понять что-то последнее», то, что окончательно объясняет происходящее. И тут может показаться, что можно как-то кардинально изменить происходящее так, как хо-

⁹⁹ Неизвестно, куда и зачем меняющееся происходит, меняющееся ли?

чется. Иногда кажется, что есть возможность контролировать происходящее. Но это тоже проходит, и в итоге оказывается, что затем происходящее сминает в ничто все наши «кажется». И тут может оказаться, что все ясности – это грезы, и вся сила – это слабость, и все цели, смыслы – это все какое-то ничто, какая-то глупость, заблуждение, безумие... , причем такое, то есть ощущение бессмысленности, происходит в виде какого-то пробуждения, от какого-то вроде понятного, понятного вчера, а сегодня это уже нечто в виде ненужного, каких-то оков, опутывающих сознание, какого-то заблуждения, того, что мешает ясно видеть то, что происходит на самом деле. И такое пробуждение происходит постоянно. И тут возникает вопрос: а что тогда является «всегда действительным»? Что является «последним понятием»? И почему происходящее твердит о том, что все «понятое сегодня» завтра будет преодолено. Но при этом всем, возможно, все же есть нечто абсолютно-истинное и неизменное за этим всем слабым?

Бесполезные вопросы

100

...

Предположим, что есть, присутствует какая-то тотальная загадка, тотальная неизвестность, и такая загадка может распадаться на множество вопросов, на поток вопросов, что в итоге предполагает «ответы», но, увы, возможно, ответы на вопросы и не предвидятся, и такое – это загадочный парадокс, странное состояние. Но это не отменяет наличия вопросов и подобные вопросы – это необязательно «вопрошание о каком-то предмете». Предметом тут может быть что угодно, а может не быть никакого предмета. Для примера, а что является предметом в каком-то «тотальном акте сомнения»? Такой «акт сомнения» не имеет никакой предметности, он есть акт, состояние, но и мышление, и происходящее, но и предмет для мышления о нем, но и только нечто-непредмет, когда это происходит...

Такие вопросы нельзя свести к основному или основным вопросам. Такие вопросы – это бесконечность. И свести эту «дурную» бесконечность можно только к постоянному присутствующему сомнению, к тотальной неопределенности, которая и есть возможность такого состояния открытого вопрошания, но и не только его, а еще и любого путешествия

¹⁰⁰ Так называемые «Безответные вопросы»?

куда угодно, любого творчества, любого прыжка за горизонт, любой попытки соприкосновения с ТЕМ.

Каждый включенный ЗНАЕТ! А что он знает? Ну... то, что он знает о том, что он знает! Но ЗНАЕТ ли он, зачем все ЭТО, то, что он знает? «Почему все это есть?»¹⁰¹ – есть вот это, эта его конкретность: тело, язык, проблемы, знания, окружение, цели... зачем они все вместе взятые взяты вместе с ним?

А вот зачем это? Зачем такое особое мышление¹⁰²? Зачем? Но параллельно с этим есть другой вопрос: а зачем жить? Зачем мне жить? Какая от этого польза!(польза, польза, ольза...), польза вообще, польза для меня? Покажите и дайте потрогать рукой «пользу»! И вопрос, «а зачем мне жить?» – это не вопрос «для чего?» и не вопрос «а в чем смысл жизни?». Вопрос «в чем смысл жизни?» не имеет никакого смысла потому, что этот очень серьезный вопрос превращен в обывательский фарс. А вот зачем я живу сейчас, ведь это бесполезно, если я не придумаю какое-то «обыденное зачем...», и это «зачем» может распасться на тысячи

¹⁰¹ Завтра меня не станет, и все, что Я-ЗНАЮ-делаю, могу, являюсь – это ничто, как и Я! Зачем тогда все эти мои «зачем», зачем мои цели, зачем то, к чему я шел, зачем я подымался, почему не сидел и не смотрел на бесконечность, зачем разрешал себя эксплуатировать? Зачем страдал и желал? Ведь меня не станет, то есть «меня нет и сейчас», если посмотреть из моего вчера-сегодня в сегодня-завтра, в котором меня уже нет.

¹⁰² Ведь такое мышление нельзя «намазать на хлеб». Но другое мышление тоже нельзя «намазать на хлеб», и никакое мышление нельзя никуда намазать.

разных «зачем?». Но одновременно как тотальность – это бессмысленно, как и это особое мышление. Когда «тот, кто живет в виде мышления» замечает это, ему становится не по себе. Ведь (вдруг, иногда) он понимает, что того «тотального зачем» он не знает. Оно не дано ему непосредственно, как и все остальное, то есть оно есть как «акт мышления», но не как данность, то есть я могу о нем подумать, но ответа в этой данности нет, есть только вопрос... и неопределенность в итоге. И это конец всей обыденной безмятежности, когда мышление бредет от одного «обыденного зачем» к другому.

А что дальше? Как быть с этим **НОВЫМ**, особым **ЗАЧЕМ**? И тут иногда может включаться какая-то обывательская экзальтация, эзотерика с предположением какого-то «смысла жизни в стакане вина» либо пропуск-пропуск и включение другого «обывательского зачем»..., либо что-то иное..., но что? Самое важное в этом «но, что?» – это обнаружение того, что включенный узнает, что он «точно включен», но «во что?» и «как?» – это неизвестность, кроме знания о включенности и того, что и это, и другое – это все тотальная территория неизвестного, а еще – что это какая-то загадка или даже в итоге **ТАЙНА**. Знание такого открывает «новые горизонты» для обнаружившего себя мышления. Такое мышление узнает, что оно может спрашивать о таком, и это есть та метафизика¹⁰³ и те специфические метавопросы,

¹⁰³ Речь не идет о каких-то примитивных представлениях, о каких-то скрытых предметах, силах, объектах...

специфическое мышление. Все это также связано с тем, что называется в метафизике предельными вопросами, но в классической постаристотелевской метафизике все это выхолощено настолько, что действительные состояния-вопросы заменены сухим вопрошанием о Боге, о человеке и о мире, хотя, когда речь идет о мышлении, тогда все классификации – это нечто примитивное, нечто ограниченное.

Действительное мышление – это постоянное улавливание тотальной бесполезности. И полное знание о своей никчемности уже-несуществовании требует ответа на вопрос: почему присутствует такое положение дел? Кто меня забросил сюда и для чего? Есть ли причина меня и моего присутствия в этом всем? А если нет, тогда почему я могу знать об этой шизофрении? Почему я одновременно есть, но при этом меня уже нет? Для чего мне такое знание и такое существование? И главное: ЗНАЮЩЕЕ о своем НИЧТО мышление хочет узнать, а есть ли СПАСЕНИЕ от этого НИЧТО? И в чем суть такого СПАСЕНИЯ, от чего нужно спастись? Как нужно спастись? Спастись – «значит что?» – узнать о том, что нужно избавиться от такой шизофрении, став кем-то, «не тем, кто я есть сейчас», но кем? Что нужно понять о том, что происходит со мной сейчас? И что нужно понять о том, что будет потом?

Человек может задавать себе бесполезные вопросы, он может формулировать некие безумные вопросы, он может себе такое позволить, но почему присутствует такая возмож-

ность такого позволения? Обронив яблоко, можно предположить наличие всемирного тяготения, но почему присутствует такое тяготение, то есть не «то, что оно есть как данность», «а почему есть вот эта вся данность?», причем именно такая, а не другая? Такой вопрос кажется бесполезным, банальным, непрактичным, бессмысленным, но в этом-то и сила человека, в этом умении вырываться из этой осмысленности, из этой определенности. Тут можно предположить, что и такая способность – это тоже «возможность этого тут», но и такой «вопрос-утверждение о тут» – это тоже удивление... которое движется дальше...

Можно коллекционировать интересные мысли. Вот я смотрю на границы Вселенной в своем уме, и тут сразу другие вопросы: а что есть «эта Вселенная», а что есть «эти границы», а почему я могу «говорить об этом?», а почему я могу «знать о том, что я говорю об этом?». И дальше все может ставиться под сомнение... даже само сомнение... но это отрицательное сомнение не производит на свет ничего... У каждого «такая Вселенная» будет иметь свои параметры – это может быть что угодно. Но тут еще может быть понимание того, что за таким мышлением может быть еще что-то другое. Что значит «это другое»?

Бытовое мышление видит только 1) нечто «представленное непосредственно», а слабое-научное мышление видит за таким еще 2) какое-то абстрактное и считает, что это «абстрактное» может выражаться различными «теори-

ями», «системами языков», «скрытыми всеобщими законами» и что это «абстрактное» стоит за этим (внутри) непосредственно представленным. Но что есть «само по себе» это представленное таким и другим языком? Представим себе, что и первое, и другое мышление – это не все, на что способен дух. Может быть такое, что за этим всем есть еще нечто другое, и не в виде третьего, а нечто 3) странное, и это какой-то особый опыт-мышления-состояния. Для бытового мышления «невидимый мир» – это несуществующая вещь, которая существует как какой-то вымысел, а точнее, бред какого-то бесполезного ума, а для научного мышления «этот мир» должен быть представлен на каком-то абстрактном языке в виде какого-то построения (схемы), и такое построение может иметь какую-то значительную особую форму, оно может быть особо-гармоничным, прекрасным... А для особого мышления-состояния «такая Вселенная» – это не какая-то новоязная абстракция, но что это?... И есть мнение, что «выразить такие состояния»¹⁰⁴ невозможно, но только ли «эти» выразить обычным словом невозможно или все сложнее? И выделение таких слоев – это достаточная условность...

Предположим, что есть «объекты» и «мысли», о которых научное мышление ничего не может сказать. Например:

Если бы Я никогда не родился, то что бы было тогда? А когда меня не станет, что будет тогда и с миром, известным

¹⁰⁴ Так как это только состояния...

мне, и со мной, о котором я знаю? Тот Мир будет существовать? То Я будет (было)? Но как Я существую тут сейчас? Почему Я тут существую сейчас? Откуда Я пришел, а пришел ли? Что такое это Я?... Вопросы можно продолжить...

И тут главное, а что об этом всем может сказать позитивная наука? И ответ на такое от нее – это какое-то ничто? И что тогда эти вопросы? Либо их нет, либо они есть, но ответа на них нет? Но если они есть, то, как присутствует это их существование?

Ответом на такие вопросы может быть какая-то негативная метафизика или, например, какие-то примитивные формы ответов..., то есть какие-то «примитивные рассказы об этом» с использованием для описания такого вещей из обычного состояния. Но такие рассказы – это ничто..., это басни, вранье, глупость, примитив. При этом может быть что-то другое, какая-то примитивная мистификация, которая тоже является каким-то очередным шарлатанством.

И тут, в последующем всегда может возникнуть иллюзия, что ответами, в простом значении, занимается некая идеология (религия), и такая религия (идеология) – это всегда какое-то псевдо-знание, какая-то ложь, потому что действительных-практических-предметных ответов нет. Но и без них (ответов) тоже нельзя, то есть приходится с этим «пустым ля-ля-ля ни о чем» мириться, но все это какая-то пу-

стая ложь.

То есть всегда можно предположить, что на самом деле все такие «вопросы и ответы» – это:

– просто обман, какая-то глупость для слабовольных, слабоумных, которые не могут жить, «зная, что Бога нет», «рая нет», «наказания и награды нет», «ничего нет...»;

– или, допустим, что это некий «опиум для масс», с помощью которого правящий просвещенный класс дурит угнетенных...;

– а в каком-то примитивном представлении это какое-то бесполезное, но необходимое мировоззрение, и функцию такого мировоззрения может даже выполнять научное мировоззрение, философское, религиозное, политическое, классовое, наци...

Но, возможно, все подобные мысли о мышлении – это слабоумное упрощение со стороны обывательского мышления, которое никогда не замечало действительных оснований или проблему отсутствия оснований, что является, на самом деле, одним и тем же или началом такового мышления...

Можно сказать, что такие вопросы находятся вне границ разума, но возникает другой вопрос: а что находится вне границ разума? На самом деле все для ума находится в границах ума (или нет?), а то, что находится вне их – это что-то другое, и познаваемость такого – это загадка¹⁰⁵. Но даже мысль о том,

¹⁰⁵ Что из Горгия или нечто про агностицизм?

что такое может быть – это намек на познаваемость такого или, возможно, это метафизические химеры, на которые способен разум, лишенный рассудочных оснований (Кант). Отрицать нечто, что находится вне границ ума, можно, но также можно его и предполагать. И вера тоже не находится вне границ ума, она часть ума. Возможно, разделение вопросов на вопросы разума и веры – это ничто, так же, как и выделение в какое-то выделение некоей «религии». Возможно, этим третьим, то есть не обыденным и не научным, можно предположить всеобщую религию, но что это – это какое-то ничто? Тут также можно ввести какую-то метафизику как какое-то промежуточное неопределенное мышление, которое находится между наукой... религией, но все это – схематизмы и упрощения. И к таким упрощениям можно отнести теоретизацию Конта и других схемотехников.

Проблема присутствующего вопрошания, то есть понимания обнаружения отсутствия оснований, связана с неопределенностью... И «присутствующая неопределенность» предполагает наличие «неопределенных состояний» и особых вопросов внутри такого неопределенного, что также является определенным бесполезным вопрошанием. Допустим:

- Из какого источника возникает возможность задавать вопросы без ответов?
- Почему вопросы нельзя завершить, остановить?
- Почему такие вопросы – это какой-то поток бесполез-

ности, но все же такой поток происходит, и что такой поток говорит о мышлении или о...?

– Почему вопросы могут быть о разном, вопросы необязательно должны быть предметными, предполагать ответ, логичность, научность, практичность...?

– Почему такие вопросы можно соединять в какие-то категории, придумывать для них классификации, но при этом такое – это тоже бесполезность? То есть, любые попытки разделить такие вопросы по критериям – это бесполезность? Всегда можно разделить такие вопросы на метафизические, онтологические и гносеологические и выделить еще, возможно, какие-то этические вопросы, но что в итоге?

И попытки придумать логику связывания всего массива вопрошания, понимая, что все такое вопрошание непрактично, не позволят ничего получить в итоге. То есть «присутствует только возможность создавать вопросы», но, возможно, все попытки разума «связать все это в систему» – это только создание какой-то очередной бесплодности, но все же такое не запрещает «возможности присутствия несвязанного вопрошания», вопрошания, у которого нет начала и нет конца. Возможно, такая не связанность что-то говорит о фундаментальных свойствах мышления или о том, что находится за мышлением, или? И что говорит о таком какая-то попытка оказаться на остановке, в точке, где нет вопрошания, но и нет обычного ответа. То есть все-вопрошание при-

сутствует, но оно не раскрывает того, «что же происходит на самом деле?», и поэтому чаще всего поиски этого на самом деле – это какой-то другой ответ, например, поиск какой-то «глубокой остановки». Но что есть «такая остановка»?

Рассмотрим часть такого бесполезного, того, что нельзя остановить, того, что происходит..., и каждый путешественник может продолжить такую бесполезность в любом направлении:

– Почему Я существую в этом теле? Почему я родился именно вот тогда-то и там-то? Почему Я уйду? Я не согласен с тем, что я тут. Почему Я пришел сюда? Зачем Я пришел сюда? Я – это исключительная исключительность? Я – это уникальная уникальность?

– Почему различное Я стремится к свободе, как к различению? И что значит такая свобода для Я? Почему Я стремится освободиться даже от Я? Что такое чистое Я? Почему Я стремится к чистому Я? Что такое «состояние чистого Я»? Что значит «находиться в состоянии чистого Я»? В результате поиска Я что-то обнаруживается, но что? Возникает вопрос о возможности представить себе какое-то «базовое Я», а такое «чистое» у всех одинаково? Тогда в чем разница между Я и другим Я? Реализация Я как личности – что это? В каком-то смысле можно предположить, что «реализация чистого Я в мире» – это определенная конкретная историческая личность?

– Могу ли Я знать свою цель или свою последнюю цель? Зачем я существую? Для чего я существую? Почему я существую?

– Модус Я – он к чему-то относится? К чему он относится? К живому или к мертвому? Присутствует ли противоречие между живым и мертвым? Возможно ли мышление без Я? Находится ли дух в транзите?

– Почему есть другой? И что такое в этом всем «другой»? Кто он? Какой-то акт воли, акт вырывания оттуда? Такой же, как и Я? Кто эти люди вокруг меня? Почему есть друг и есть враг? Почему есть противостояние, конфликт? Почему есть другой пол? Почему есть влечение, есть любовь?

– Для чего существует человеческий род? Не абстрактное человечество, а именно род? То есть почему в этом присутствии стал возможен этот род, какова его задача, есть ли такая задача, почему этот род такой странный? Этот род знает о своем присутствии, но не знает причину такого присутствия? Или знает? При чем этот род сейчас и этот род вчера, и это род через сотню поколений – что это, и как его понять в целом, и есть ли такая целостность? Он как-то меняется, но куда и зачем?

– Есть ли такое вещество как человечество? Как возник человек? Что будет, когда человечество исчезнет? Что будет после смерти всех живущих и последнего живущего? И что было до? И есть ли такое до и после?

– Почему есть то, что есть? Есть ли причина моего рожде-

ния? Почему то, что я вижу, существует именно так, как я его вижу? Что такое «язык»? Что такое «квант мысли»? Почему язык отличается от мышления? Что такое «слово»? Что такое «смерть»? Что такое «религия»? Что такое «время»? Почему я это не могу понять? Что такое расшифровка этих загадок? Прояснение через слова? Индукция, дедукция? Анализ, синтез? Разгадка всего через эксперимент? Истина? А есть ли «квант смысла»? Для нас мышление – это бытие? А бытие – это мышление? Отсюда, если бытие – это мышление, то и мышление – это бытие? Тогда для того, для кого быть равно мыслить, это есть быть? То есть всякое мышление воспроизводит бытие? И человек как субъект может противопоставлять себя миру, может считать себя его частью – это неважно или важно? Но есть ли бытие без мышления?

– Почему все распадается на множество вопросов, и почему нет одного единственного вопроса и ответа, то есть главного вопроса и главного ответа на него. И тут можно заметить не только это, но и ту мысль, которая спросит, а откуда вообще это вот вопрошание?

– Почему «время» отличается от «пространства»? Так как происходящее не существует как нечто постоянное, тогда что действительно? Что такое «энергия», что такое «единица энергии»? Что такое «духовная энергия», что такое «запас духовной энергии»?

– Как можно предположить существование антимысли? Что такое нечто в виде антимышления? Не просто не мыш-

ление, а антимышление? Можно ли тут проводить какие-то аналогические сравнения, как и с антиматерией?

– А есть ли «разум»? А есть ли «мышление»? А есть ли «дух»? А есть ли «субъект»? А есть ли «такой мир»? А есть ли «субъект, сидящий в таком мире вещей и получающий от мира знания»? А что такое «идеи»? А что такое «связи между идеями»?

– Происходящее утекает, как песок сквозь пальцы – это говорит о том, что все бесполезность? В присутствующем наблюдается отсутствие смысла во всем? Как можно жить с пониманием завершения? Почему присутствует невозможность насыщения, невозможность остановки? Как возможно непосредственное¹⁰⁶ взаимодействие с реальностью?

– Почему есть «связь»? Почему есть связывание? Почему все связано? Почему есть связь во всем? Почему прошлое и будущее – это знаки связывания? Почему предметы – это результат связи? Почему связь – это процесс? И процесс существует только как связь? Для объяснения связываний придумано много слов: мышление, время, пространство, религия, физика... Почему все – связанная связь? Зачем связывать? Для чего связывать?

– Что такое «время»? Как можно «мыслить время»? Можно ли «мыслить чистое время»? А что можно «мыслить, как чистое»? «Время» можно представить себе как... – и дальше глупости. «Время» можно объяснить... – и дальше глуп-

¹⁰⁶ Без «посредничества».

пости. «Время» нельзя представить или объяснить как... А если можно, тогда это уже не время, а формулы, соотношения, упрощения, производные... То есть сведению времени к связи, к какому-то измерению чего-то или свойству измерения... доказывает, что времени нет. То же самое касательно и пространства, ну и другого тоже. Как схватить время, ускользающее между пальцев?

– Что такое «зло», можно ли говорить о каком-то абсолютном в таком смысле? Можно ли говорить о противоположном такому или о некоем добре? Может ли такое обладать некими субстанциональными свойствами или это только относительности?

– Почему присутствуют «мысли о смерти»? С одной стороны, знание о смерти удручает, но принятие этого освобождает? Что будет после смерти? Что можно узнать об этом или знать об этом, как можно понять это, не двигаясь никуда и используя только свое мышление? Что будет там после того, как исчезнет вот это присутствие, и будет ли?

– Как возможна бесконечность? Всегда можно рассуждать, что все определено, становится конечным или даже в крайнем значении омертвленным или мертвым в итоге. Можно говорить о дурной или хорошей бесконечности. Можно предположить, что бесконечность – это возможность бесконечного мышления, выбора всевозможных вариантов решений..., но все это, опять же, конечно.

– Возможен ли «мир без мысли»? Удивительно, что, раз-

глядывая все, что нас окружает – вещи, предметы... , но мыслей в этом нет. Они берутся не там. А где? Это тотальная загадка. Хотя незрелому уму кажется, что он знает «это где», а чаще всего и мыслей про «это где» не возникает.

– Как взаимодействуют метаязык и «вещь в себе»? Они как-то связаны, но как? Какая связь между откровением и метацелью? Что такое справедливость? Почему нечто справедливо, а другое несправедливо? Что такое «любовь»? Что такое «прекрасное»? Почему есть удивление? Удивление о числе, удивление о материи, удивление о теле. Удивление о смерти¹⁰⁷, удивление о субъекте, удивление об объектности, удивление о загадке, удивление об определенности, удивление о дуализме, удивление о самосознании и рефлексии, удивление о сущем, удивление о бесконечности. Почему реальность можно математически описать? Все, что было до меня и будет, где оно?

– «Выдираание себя» из этого неопределенного – что это? Великая загадка, почему существует нечто, а не ничто? Почему есть нечто, а не ничто?¹⁰⁸ Почему есть разговор о начале? А есть ли начало? А есть ли такой разговор?

– Как возможно присутствие того, что мы знаем, что мы присутствуем? Почему присутствует такое присутствие? Почему возникла такая возможность? А возникла ли она? А

¹⁰⁷ Становление субъекта связано с фактом осознания конца своей субъектности.

¹⁰⁸ Отсюда начинается разговор Гегель.

что стоит за этим всем возникновением? А если на самом деле «такое возникновение» или это что-то другое?

– Что из себя представляет в действительности этот наблюдаемый мир? Почему реальность имеет странный запах, она странно выглядит, и такое – это не просто ахающий вздор уставшего или изнеженного разума.

– Физическая смерть и метафизическая смерть, а есть ли разница между ними?

– Но зачем тебе «есть другого», если тебя нет?

...

Можно ли завершить вопрошание, а если невозможно, то почему? Возможно ли завершить странные вопросы, ограничить их круг, остановить то понимание, которое возникает в результате какого-то мышления? Почему оно бесконечно в каждом акте своей бытийности? Возможно, потому что у ума границ нет или есть?

– Возможен ли главный вопрос? Всегда есть мысль, что есть главный вопрос, единственный вопрос, а все остальное – это только нечто от этого вопроса. И возможно ли все мышление свести к какому-то главному, единственному, основному, первому? И любые ответы что да, такой ответ есть – они могут быть, но что в итоге кроме убеждений, ощущений, уверенности? И что затем?

– Возможно, все только слова, а, возможно, слова не всегда просто слова, и они что-то говорят «о том, что есть», «происходит на самом деле»?

...

А что в итоге, кроме вопросов? И что толку от таких вопросов? Конечно, всегда можно стать на сторону «я знаю»... И в итоге все такое вопрошание можно воспринимать как мягкотелость, как слабоумие, как слабость, как глупость. Всегда можно отправиться на завоевание этого мира! И тут можно приступить к разному – к захвату, к господству, к какой-то эксплуатации, к стяжательству... Но, увы, через время любой, «решивший запретить вопросы», он сойдет с ума, так как любое «достоверное я знаю» – это утрата адекватности, и эллинистический, а затем греко-римский мир – они все «дошли до конца», а до них дошли и другие, и после... все будет происходить также... То есть сначала уверенность, затем утрата адекватности, после бессмысленность и безумие... А затем? А будет ли затем?

Все подобные вопросы – что это? Что о них может знать наука, и может ли она их задавать? Возможно, что научное мышление¹⁰⁹ считает такие вопросы какой-то банальностью, какой-то глупостью. И, возможно, такие вопросы не несут в себе и с собой ничего положительного при попытках на них ответить. Но так ли все просто? И, возможно, что без какого-то «действительного присутствия каких-то ответов на это все» человек жить не может?

¹⁰⁹ Наука тоже может вопрошать, и всегда хочется услышать от науки какой-то ответ, и такой ответ – это тоже какая-то научная значительность.

Возможно, что человек требует какого-то смысла и (или) цели для своего бытия, то есть и постоянного поиска направлений (вопрошания), и разного промежуточного до-после... И если такое бытие никак не определено, он слетает с катушек, перестает быть. То есть и «бесполезное вопрошание с любого направления и в любом направлении», и какие-то «странные ответы» – это «способ бытия мышления», это некая канва бытия, бытия адекватности, это то, что как-то определяет эту бессмысленность? И можно ли свести такое мышление только к «способу поддержания адекватности мышления» или это нечто иное?

В бреду

Дорога без начала и конца

Такая дорога – это и есть основная характеристика присутствия мышления.

Необходимо предположить присутствующее слабое понимание происходящего у понимающего такое присутствие. А точнее, для присутствующего присутствует какое-то постоянное блуждание наяву, или явное – но блуждание в бреду. Сознание находится в постоянном тумане, туман – это состояние сознания. Сон – это явь, явь – это какой-то сон, а что тогда «сон»? Адекватное движение к цели, а затем может оказаться, что такое движение было неадекватным, или сама цель была неадекватной. Адекватная, правильная, благая, праведная жизнь – может быть понята в итоге в качестве противоположного или, например, какого-то ничто.

Но при этом присутствует мысль о тотальной необходимости точно присутствовать в происходящем как «действительное Я», как «адекватное Я». И такое предполагает, что присутствующий знает: и что ОН присутствует; и что он знает, ГДЕ он присутствует; он знает, ЗАЧЕМ он присутствует; он также знает, КУДА он присутствует. В этом всем нужно предположить то, что у присутствующего есть адекватное ЗНАНИЕ о присутствии. Кроме того, это знание явля-

ется АДЕКВАТНЫМ¹¹⁰. Если же нет всей этой адекватности, тогда можно предположить, что присутствующий он какой-то юридивый, он включен, но как-то по-другому. Можно предположить, что такой неадекватный, в итоге, – погибнет, перестанет быть. И поэтому как бы «стремление к адекватности» – это постоянная необходимость для присутствующего. И «те, кто вокруг» – им тоже необходима такая адекватность¹¹¹ от присутствующего, а иначе можно предположить, что такой присутствующий может быть удален из присутствия теми, кто вокруг.

Как понять, куда идешь? Его «это куда-то» можно понять, затем понять, что такое понимание было чем-то другим, а затем перестать вообще что-либо понимать или перестать понимать понятое... Разум¹¹² никогда не находится «в действительно надежном состоянии». И тут дело не в какой-то: усталости, заблуждениях, расстройствах, недостаточности понимания чего-то. Проблема в том, что присутствующее не имеет достаточных глобальных оснований для определения того «что есть адекватность?»¹¹³, а что противоположное такому. Человек точно не знает, куда он идет,

¹¹⁰ И какая-то выделенная адекватность – тоже не обязательно гарантирует выживание, и все на самом деле может оказаться обратным.

¹¹¹ Адекватность, признанная каким-то сообществом. Причем «такая адекватность» тоже может быть разной?

¹¹² Присутствующий.

¹¹³ А как же «теория адекватности» Маяковского и его «Что такое хорошо и что такое плохо?», разве такого недостаточно?

откуда и куда он придёт в итоге, и не в смысле направления, а в смысле тотального основания всего этого – «куда... – зачем-почему». То есть, нет никакой заданности, нет никакой определенности. Есть какое-то блуждание. И не просто блуждание, а «блуждание в каком-то обязательном бреду»¹¹⁴. Такой «бред» – это какие-то «действительные¹¹⁵ куда-то»¹¹⁶, которые «кажутся адекватными» для того, кто бредет. Такой бредущий никогда не может вырваться из такого «бреда куда-то», то есть в таком бреду нужно постоянно двигаться, остановка невозможна, а точнее исключение из бреда – это какие-то формы исключения¹¹⁷, но даже какая-то форма исключения тоже может быть каким-то бредом.

Можно предположить, что есть какой-то: разум, рациональное, прагматичное, утилитарное..., то есть что-то как бы адекватное, и есть и другое – иррациональное, хаотичное, эмоциональное... И таким образом, в человеке как бы обнаруживается какое-то разное, то есть нечто положительное – то, что позволяет «правильно» оценивать происходящее, и противоположное такому – какие-то аффекты, какая-то неадекватность – и это какие-то эмоции, чувственность... Но в таком есть несколько проблем, никакого «чистого ра-

¹¹⁴ Так как нет никакой установленной адекватности.

¹¹⁵ Каждый раз действительные для бредущего.

¹¹⁶ «Действительность куда-то» – всегда условна.

¹¹⁷ Будда, Франциск Ассизский...

зума»¹¹⁸ выявить невозможно, чистый разум, или мысль про такое – это только мысль. И противоположное такому, некие эмоции – это тоже только мышление о таком. И разделение присутствующего в человеке на какое-то мышление и эмоции – это только допущение. Человек – это целостность, все, что человек в себе, в своем сознании, уме, разуме, личности... выделяет – это все значительные допущения, на которые способен сознающий себя. Видимая «явленность», а что там глубже?

Невозможно обнаружить действительное Я¹¹⁹, невозможно обнаружить точный и остановленный мир, невозможно обнаружить «сущность вещей», даны только свойства, и невозможно обнаружить какое-то «непосредственное мета». То есть в итоге нельзя обнаружить ничего точного и действительного. И вопрос «об истинной сущности всего происходящего, которое невозможно остановить и зафиксировать» – всегда остается открытым. Как и вопрос «обнаружения чего-то действительно действительного за всем мнимым происходящим».

С каждым живущим бывало такое, что он нечто совершил, но при этом он «как-то отсутствовал»¹²⁰ в момент совершения какого-то поступка. Или, например, делая нечто,

¹¹⁸ Адекватного, правильного.

¹¹⁹ Сюрреализм как показатель отсутствия действительного, целостного, остановленного субъекта.

¹²⁰ Наблюдал со стороны.

он сделал поступок, который не предполагался, и затем в потоке он оглядывается на произошедшее и не понимает, зачем такой поступок был совершен?¹²¹ Но «поступок есть», хоть он и остался в прошлом. А сожаления о таком присутствии в настоящем для того, кто осознал, что он как бы сделал то, чего уже как бы и нет. Также могут быть совершенны поступки¹²² в каком-то возрасте-состоянии, но в следующем присутствии такое может оцениваться как какая-то глупость, ну то есть неадекватность. И вопрос, когда была адекватность? Тогда, или сейчас в момент оценки? Или сейчас тоже неадекватность? Только понимание такого придет завтра из следующего (прошлого) присутствия?

Может ли жизнь быть «процессом в никуда»? Конечно, в «какое-то время» такое может быть. Точнее «такое время в никуда» может быть «тождественно всей жизни». Присутствующее происходит без причины, без желания на то включенного¹²³. И приписывание «такому происходящему» некоей ЦЕЛИ – это способность, а что на самом деле? И происходящее может являться «таковым происходящим» только для присутствующего, а чем оно является на самом деле это загадка. И «есть ли оно» и «как оно есть» – это то-

¹²¹ И был ли он в том поступке, или это был другой Дали?

¹²² Есть какие-то цели, которые соответствуют какому-то возрасту? И как их объяснить?

¹²³ Тот, кто в какой-то момент находится в какой-то точке, но эта точка тоже уже ушедшее в момент фиксации...

же только загадка. И тут разговор о научном позитивизме и его «уверенности в своей абсолютной адекватности». Конечно, что-то делая в происходящем, получается что-то с ним «сделать»¹²⁴, но «что это?» на самом деле, и «чем является?» происходящее на самом деле – это тайна. И присутствующая тайна – это присутствующая бесконечная возможность для поиска...

Можно ли представить себе адекватность как точное соответствие происходящему, то есть, как какое-то точное знание всех причин и следствий, или точное понимание последствий всех поступков. Но если будет присутствовать «такое»¹²⁵, тогда возникает вопрос о какой-то абсолютной заданности. И такое «абсолютное соответствие» разрушает все движение, все изменяемое...

Всегда есть другой, и другие, всегда есть: друг, союзник, а на той стороне: враг, противник – и тут адекватность становится еще более туманной. Туман любого противостояния, в котором, так или иначе, принимает участие любой включенный – также требует адекватного понимания всего этого. Причем выживание присутствующего – находится где-то внутри этой неадекватной адекватности и любые попытки воссоздать какую-то адекватность – это «попытки», и иногда такие «модели адекватности» могут являться источником поражения, а не победы. Сюда также туман жизни от-

¹²⁴ Орудия труда, машины, открытия, изобретения, теории, концепции...

¹²⁵ Точное знание у присутствующего о происходящем в точке присутствия.

дельного включенного в каком-то сообществе-включении – его место в таком сообществе, его место в цепочке распределения и разделения труда – и это тоже туман. Его стремления и интересы как желающего быть тут и сейчас. Для оценки такого тумана, для осознания присутствующей неадекватности вот этого происходящего – также требуется какая-то адекватность. И осознание бессмысленности всего этого, его полной неадекватности, и бесполезности всех противостояний, и одновременная абсолютная включенность в это все, и восприятие их как важных – это все та же драма, которая длится постоянно для присутствующего. И снятие напряжения с этих драм происходит после того, как это все уходит во вчера вместе с участниками, и присутствующие престают понимать адекватную сущность того происходившего.

Каждый присутствующий воспринимает разное, понимает разное, ощущает разное, присутствует в разном, и это какой-то абсолютный одновременный и хаос, и порядок; и внутри себя и вокруг. И это одновременное абсолютное всеисие, и одновременное бессисие; и бесконечная полнота, и одновременная пустота; и всезнание, и полное непонимание своей ничтожности. И через такие состояния, присутствующий проскакивает постоянно.

Для отдельного присутствующего, а также и другого представленного, адекватность может быть представлена как какое-то «учение куда-то», и если в нем есть слова: польза, практичность, полезность, – тогда «такое куда-то» оно как

бы адекватно. Но многое что может быть «определено как польза» для субъекта – может быть воспринято как людоедство, предательство и другое. Причем, может возникнуть представление и о какой-то «общественной пользе», которая, возможно, может оказаться неадекватной после определенной проверки.

Что остается после всех мыслей о присутствующей определенной неадекватности? После возникают некие «здравые мысли» о возможности контролировать неадекватность, то есть:

– Определенным в такой неопределенности, в таком бреде остается понимание: присутствующей неопределенности, присутствующего бреда, присутствующей неадекватности, присутствия тотальной неизвестности.

– И для преодоления такого нужно как бы то, что может устранять такое, может воспроизводить какую-то адекватность. И тут обязательно нужна конкретная «теория адекватности», «теория в куда», «теория в где».

Но, увы, мысль о том, что «теории адекватности» могут позволить в тотальном значении преодолеть непреодолимую неадекватность – это тоже только мысль. Но пока такая мысль «есть – длиться» – такое будет действительным для того (тех), кто воспринимает такую мысль.

А затем возникнут те, кто опротестует «происходящую»

теорию адекватности. Они (как всегда) будут считать, что не нужны никакие «теории адекватности», и для адекватности достаточно руководствоваться чем-то «действительным, истинным, установленным, естественным, основательным» – «разумом, практикой, здравым смыслом, истинным знанием, прагматическими интересами, реальными задачами...». И сверхпримитивный случай такого мышления – это мысли какого-то обыденного мышления о своей «практичной адекватности», которая выше любого теоретизирования, но увы, в обыденности нет никакой адекватности, как и в любой «полезности, разумности¹²⁶»... После те, кто опираются на какой-то очередной «здравый смысл», окажутся в ситуации обязательного воспроизводства из этого «здорового» какой-то «теории адекватности». А затем, через время найдутся те, кто поставит под сомнение очередную присутствующую «уставшую» «теорию адекватности».

Если оценить созданные предметы, и успехи по преобразованию мира, которые возникли в результате развития науки, тогда можно сказать, что «научная теория адекватности» она наиболее адекватна, ведь многое из представленного, созданного работает! То есть позитивистская картина мира, научная картина мира – это самое адекватное из такого присутствующего. Но уверенность в абсолютной адекватности научного мировоззрения – это тоже не более чем

¹²⁶ «Мир как целое» и практичность – это несоизмеримые вещи.

уверенность. Научная идеология, которая как бы позволила создать точную адекватность происходящего после определенной оценки такой адекватности становится не более чем уверенностью, убеждением, верой.

Какие могут быть мысли «о теориях адекватности»? В «теориях адекватности» есть множество загадочного, непонятного, неадекватного, таинственного. Мыслей тут может быть какая-то бесконечность. И осмысливать все такое, возможно, можно множество жизней подряд. И, например, а как можно понять философию буддизма в качестве теории адекватности?

И вот тут, в этой точке, возможно, и будут самовостребованы те, кто могут «договориться» «с этой» «неадекватной адекватностью». И никакая адекватность не является адекватной сама по себе, она может быть только «как происходящее¹²⁷ учение», но в различении – это всегда какой-то свихнувшийся хаос порядка; беспорядочный хаос; хаотический беспорядок...; бесполезная полезность; бессмысленная осмысленность... Какая-то абракадабра, какое-то одновременное «все и ничего». И над этим всем витает какая-то скрытая от ума тайна...

Таковыми «дознателями, уговорителями, договрщиками»

¹²⁷ Уходящее, воспроизведенное, явленная остывающая мысль, которая уже не есть начало.

могут быть «кто угодно»¹²⁸, но такие «жрецы адекватности» всегда востребованы во времена востребованности какой-то новой адекватности, а точнее, во времена «слета с катушек» какой-то уходящей вчерашней адекватности¹²⁹. И не всегда такие жрецы служат адекватности, точнее, а когда они служат адекватности?¹³⁰ То, что казалось адекватным вчера, затем может оцениваться по-другому завтра. Но в любом случае без «такого» «все слетит с катушек» и распадется в какое-то «другое ничто», которое иногда затем «ничто». Поэтому «жрецы адекватности», «теория адекватности», и явленный, происходящий «культ адекватности после» – это какой-то стержень всего происходящего, это структура какой-то происходящей реальности. И такие жрецы – это не служители, это не какие-то подмастерья истины для обслуживания интересов правящих, такие жрецы – это тоже какой-то вывих, которому «плевать» на всю «пользу». Такие жрецы в своем обычном состоянии – это слуги неадекватности, они умеют с ней разговаривать, и требовать от них чего-то адекватного, с точки зрения «искателей пользы», это пустое дело.

Но «что реальность» или «кто реальность»? Или что можно не только «назвать» реальностью, а еще что-то и за этим? И нуждается ли некая реальность в какой-то адекватности?

¹²⁸ Но не кто угодно.

¹²⁹ Ее избытости, усталости...

¹³⁰ Что-то о Фаусте?

А есть ли «последняя реальность», и что это – это всегда открытый вопрос... И если признать присутствие какой-то «точной» реальности, то как «понять» «адекватность» «такой» «реальности»? И такое «понять» сразу же говорит о том, что «нет никакого непосредственного реального» в точке использования «инструментов явленного ума», а всегда есть «посредники». И что есть какие-то «другие способы» и разговора, и общения без посредников? Есть ли такие способы? И что о таком говорят какие-то сны, разные сны, несны, и что значит в таком смысле действительно проснуться, пробудиться, увидеть все как есть?

Бытие на границе небытия

Почему Александр Великий посещал Дельфийские храмы или встречался с египетскими жрецами? Что он хотел узнать? Свою судьбу? Или то, что его судьба – это не случайность, или то, что его дорога-явление – это нечто сверхнормальное? И Александр – это не просто какая-то пылинка в каком-то нигде, а это нечто обязательное для всего происходящего!

А это происходящее – это какое-то безумие, а участвующий в нем, «он кто» или «что» или...? Он участвует или несется куда-то на неуправляемом судне, или стоит на месте, или не все это?

Каждый присутствующий хочет быть не просто чем-то случайным, он хочет быть должным в бессмысленно присутствующем. Но жизнь на краю тотальной бездны неопределенности – это и есть удел человека. По-другому многие известные экзистенциалисты понимали это как брошенность в мире; заброшенность в мир; затерянность в мире; одиночество в мире... И такая «брошенность» не может быть понята в нормальном состоянии, точнее, окончательное осознание такого состояния приводит к самоубийству.

Но каждый иногда ощущает свою уникальность¹³¹, свою

¹³¹ Такое можно всегда объяснить в качестве какой-то иллюзии сознания, что можно как-то медикаментозно излечить...

избранность, свою особенность, свое неслучайное пришествие. И такое – это все что угодно, но это не только иллюзия, а это данность присутствия духа. И это то, что присутствует вместе с остальной странностью присутствия. И бывают мысли о том, что пребывание тут – это какая-то подготовка к чему-то другому, и что там будет что-то главное, а все, что здесь – это какое-то промежуточное или какое-то наказание, или ... а возможно, это очередной способ «организации нормальности» там, где нет никакой нормальности?

Двойственность бытия человека заключается в том, что он как бы и «есть», но одновременно он как-то догадывается о том, что «его уже нет». Странное бытие с сознанием своего небытия. Присутствовать отсутствуя, отсутствуя присутствовать. Жить со знанием присутствия своего уже произошедшего завершения. Такое «необходимое завершение» можно не замечать, о нем можно на время забыть, но с этим приходится жить, даже, возможно, скрываясь от завершения. Но, написанные кем-то когда-то слова указывают на «присутствующее тогда того, кто мыслил» (Марка Аврелия), и существующее «сейчас для того, кто сейчас это читает», но того, написавшего, может уже и не быть, он ушел вместе со своим временем, но куда? И дальше возникают и другие мысли обо всем этом... (Унесенные ветром).

Как можно жить с пониманием того, что тебя уже нет? Как можно существовать, присутствовать, понимая, что ты уже отсутствуешь? Все, что ты желаешь сейчас – его уже нет.

Когда ты разглядываешь в мыслях тех, кто уже ушел, пройденный ими путь, какие-то непонятные курганы каких-то непонятных стремлений, какой-то непонятной жестокости, вовлечения, обрядов, обрядов смерти, жертвоприношения живых, ритуалов, плясок, целеустремленности в никуда, настойчивости, работы, глупости, радости... и всего такого, а по аналогии – происходящее как бы сейчас и с тобой, это все кажется каким-то вывихом. И если «меня нет», нет и моей боли. Боль есть только тогда, когда «есть воспринимающий» эту боль. Отсутствующий воспринимающий не воспринимает ничего происходящего. И такая действительность страданий и недействительность всего остального – это нечто достаточно глубоко проработанное в одном древнем восточном учении.

И как понять тех, кто также сегодня, сейчас не может покинуть свои роли в происходящем включении и бредет, непонятно зачем, в бессмысленном направлении, но бредет... и будет брести, пока не упадет, а за ним будут брести другие...? Зачем? И любая остановка, любое разглядывание вывиха как вывиха – это какой-то конец, но не вывиха, и какое-то начало, но не вывиха, но, опять же, тут нет остановки, вывих будет существовать всегда, только его запах может меняться, но его суть всегда остается прежней.

Можно попытаться выскочить из вывиха и стать каким-то «нищим у дороги», вывихнутым, но по-другому (в бочке?). А можно выскочить из вывиха и погибнуть сразу, но погиб-

нуть ли? А можно выскочить из именно этого вывиха и начать включение по-другому, то есть за счет всех, кто считает свой вывих нормальным, но через время, когда будет обнаружена утечка ресурсов, аномальный вывих будет либо уничтожен, либо изменится старый вывих, и все сразу нормализуется. И есть мнение, что и для других это будет только мнением, что даже любой конкретный уход от вывиха сейчас и здесь не позволяет покинуть вывих, и в него, в вывих, в любом случае вернут снова и снова, как утверждается в одном учении.

Предположительно существовало поколение, были люди, были их судьбы, их происходящее, и вот они ушли... Что осталось? «Воспоминание об этом времени» – оно есть для тех, кто помнит и понимает это, понимает это происходившее, эти судьбы, эти переплетения... Но после уходит и тот, кто помнил последнее воспоминание об этом..., но как понять то ушедшее?

Представим себе историю каких-то происходивших событий, происходивших тысячи лет тому назад. Сложно себе представить, что же там происходило, но наличие нас говорит о том, что там все же что-то было, и какое-то нечто – это пласт конкретных историй... И такие истории – это не просто факты, это больше, это пласт происходившего, которое как-то было, но что остается после «такого было» и «чем оно является на самом деле?» Чем?

Человек слишком человек, он слишком ничтожен и так

мало понимает, его разум затуманен, все фрагментарно, все зыбко и туманно. А перед ним, в нем, за ним – бесконечное нечто-ничто. Как протянуть руку через бездну? И тут не все так просто: страх, обман, утешение. То, что в нас и вокруг нас оно звучит как грандиозное нечто-ничто. И это нечто-ничто – это загадка, тайна, и оно, возможно, требует преклониться перед ним, требует понять свою собственную ограниченность, понять свою собственную немощность?

Ты не можешь остановить бег жизни, сегодня ты вот такой, ты ребенок, ты юноша, а завтра уже старик, а через миг тебя уже не станет... И тебе все это придется пережить, в том числе и смерть, такое не хочется осознавать, пропуская через себя. И обнаружение своих разных телесных состояний – это значительное удивление и это также нежелание принимать это, но затем, если есть продолжение, происходит и адаптация, и итог...

Возможно, принятие (как необходимость) присутствует только тогда, когда есть движение к чему-то. А затем после тебя снова будут те, кто будет идти после тебя к этому чему-то (кому-то). То есть возникает эстафета, и ты часть этой эстафеты-борьбы-катастрофы, ты не конечность, а ты только часть большой игры, ты замкнутость между прошлым и будущим, ты проводник какого-то исторического (другого) тока, какого-то замысла дойти туда? Но куда? И если «этого куда нет», тогда все бессмысленно, и все, что сделано или не сделано – это бесполезность?

Как бы ни хотелось, но остановиться невозможно, невозможно застыть, невозможно зафиксировать свой возраст, свое состояние духа, свое тело, свою мысль, это все утекает и растворяется, и ты вместе с этим... (или нет?)

Но что остается после, и ради чего стоит жить? Ответа на этот вопрос нет, но предположение должно быть, то есть гипотеза должна присутствовать, и если ее невозможно обнаружить, тогда все подвергнется унынию, и такое уныние тоже пройдет, но будет ли после него какое-то после? Какое-то человеческое после?

И какие-то маленькие животные радости, какие-то мещанские замечания чего-то, какая-то практика включения, какие-то частные победы, какое-то творчество... И, возможно, что-то больше этого – это все может быть...

Но такого слишком мало, слишком мало для того, кто точно знает, что в конце пути его ждет смерть, которая обесценивает и обесцвечивает все это мимолетное до... То есть на такой чаше весов в обязательном порядке должно быть что-то очень весомое, то, что позволяет перевесить то, как смерть превращает в прах всю жизнь до нее, превращает все радостное в абсурд, а победителей – в проигравших...

И это должно являться чем-то значительно-весомым, каким-то Сверхбытием, каким-то Сверхнечто, которое может победить любую смерть, любое конечное, которое затем всегда обращается в прах.

Противоречия и неразрешимые проблемы

Человеку приходится жить, жить иногда зная, что его жизнь происходит вместе с неразрешимыми проблемами. Что это за неразрешимые проблемы? Такого достаточно – это и проблема «цельного мировоззрения», и проблема «замкнутости в комнате без дверей». Но это также непреодолимые проблемы старения, смерти, боли, страданий, страстей, желаний, бессмысленности, никчемности. И над всем этим веет СТРАХ, страх человека перед безграничностью, перед неизвестным НИЧТО... И все это сопровождается каким-то постоянным «опытом перед лицом смерти»¹³², и это какое-то постоянное крушение победившего, и отсутствие остановки, и постоянно присутствующее отчаяние в таком присутствии...

При этом в человеке (для или у человека) присутствуют¹³³ противоречия, преодолеть которые он не может, но и преодолев которые, он почему-то перестает быть человеком¹³⁴. Таких противоречий достаточно, а точнее, сам присутствующий и присутствие – это клубок таких противоречий.

¹³² Все мышление экзистенциалистов говорит об этом.

¹³³ Кем?

¹³⁴ И становится сверх или неадекватность, безумие? Что из этого?

Невозможно выявить основные противоречия, их нет, точнее, они все основные. Все присутствие – это сплетение противоречия. Там, где распадается какое-то моно и возникает какая-то мысль, которая порождает другую мысль, а затем... все становится разделенным, все становится противоречием, и противоречие снова находит свое решение в мысли, которая порождает другое, а другое находит свое решение, но снова возникает какое-то следующее состояние...

– Например, человеку, как монаде, противно эксплуатировать (есть), но ему, как пребывающему тут, приходится это делать, то есть *встраиваться в цепочку эксплуатации или погибнуть...*, и... То есть и противно, и приходится, но если окончательно сказать нет, я не буду – это смерть тут, и любое следование за Св. Бенедиктом и другими – это частичное решение. А если сказать: «плевать на противность», так как это присутствует, тогда, значит, можно отбросить «то, что от монады субъекта», и с вожделением предаться любому поеданию, но такое – это гибель человека и превращение его даже не в животное, а в особого зверя. Поэтому человеку для того чтобы и быть тут, но и снова же оставаться человеком, каким-то образом жить внутри такого противоречия приходится маскировать его, но знать об этом и с этим жить, воспринимая такое, допустим, как результат грехопадения¹³⁵, как наказание за пребывание в этом тут, как нака-

¹³⁵ Существование и сущность, сущность и существование.

зание за падение из того сюда в это, такое бытие (и «благая жизнь» Сократа или Пелагия не спасают от такого падения). Но если решить, что такое – это не грехопадение, а что-то другое, и «есть другого – это нормально», тогда, возможно, отключается и подключение к тому, откуда приходит ТО, что делает это пребывающее тут существо не просто скотом, а чем-то другим, а именно кем-то специфически адекватным?

– Человек, с одной стороны, включен в субъектию, в субъективность, а с другой стороны, он всегда находится в какой-то особой связи. И, скорее всего, с точки зрения «такой связи», какая-то субъектия – это примитив. И в таком противоречии как-то приходится жить.

– Человек включен в свою конкретность, но он включен и в субъектию, и, с точки зрения его конкретности, какая-то субъектия – это непредметная бесполезность. Но, увы или не увы, субъект – это субъект, и вся среда вокруг него – это нечто субъектное, поэтому можно исключить себя из субъектии, можно даже отказаться защищать свою субъектию, но тогда субъектия других субъектов явится и сделает с этим субъектом все, что ей заблагорассудится.

– *Противоречие между должным и желаемым*, то есть «должное делать» почти всегда противоречит желаемому или желаемому бездействию, или другим, каким-то разным около ленивым стремлениям... Очень редко долженствование совпадает с каким-то другими приоритетами, то есть тяжело учиться, тяжело вставать, тяжело думать, легче пустить

все под откос... и так и жить... Но так жить, жить, отпустив все, не получится или получится, но недолго...

– *Противоречие между добром и злом*, и что есть это «доброе», а что есть просто нечто плохое, недопустимое? А есть ли какое-то абсолютное зло или добро или есть только конкретное, относительное, какое-то условно доброе, или даже что-то более слабое, какое-то хорошее, нужное, приемлемое... И каждое противоречие противоречит себе и кричит только о себе: тело кричит, что вот хочу это, а ум сообщает, что этого нельзя. А «связь» сообщает, что вот это недопустимо, хотя тело кричит, что это нормально. Субъектия же требует исполнения своих предписаний и объявляет их добром, но «связь» говорит, что убивать других даже на войне за субъектию – это зло... И вот с этими противоречиями, хотя каждое разделенное требует признания своего устава, правил, предписания, аксиом, определений, желаний, требований..., с этим всем противоречивым и взаимоисключающим как-то приходится жить такому тотально-разделенному существу, которое не может определиться с тем, кто и что оно есть, но как-то ведь существует...

– *Противоречие между желаемым и возможным*. Многое является желаемым, точнее, почти все, что может придумать себе воображение – это не есть возможное тут, и как-то с этим необходимо считаться. И если все же кто-то свихнется и начнет выдавать желаемое за действительное, скорее всего, он перестанет существовать или его возможности будут

жестко ограничены.

– *Противоречие между зверем и другим*. И это не просто противоречие между телом и духом, это глубже. Зверь – это тоже принадлежащее той некоей «духовности», зверь – это не совсем про тело. Зверь – это не субъектность с ее необходимостью включаться в цепочку потребления, в цепочку эксплуатации, в цепочку создания прибавочного продукта, в цепочку охоты, расширения, субъективизации... Зверь – это другое, это запретная тема, это то, что возникло вначале вместе с другим и что живет рядом с ним по соседству, точнее, вместе с ним (в нем), но как? Зверь – это всегда что-то запретное, это какая-то тайна. «Исследование» зверя всегда чревато для того, кто станет на такой путь, потому что требует погружения туда, а это не исследование – это другое, откуда нет возврата. Тот, кто думает, что он сможет контролировать это или использовать в качестве инструмента, возможно, будет удивлен тому, что он сам окажется инструментом кого-то. Когда зверь становится тем, кто явлен, а не скрыт где-то в глубинах, в недрах того доступа, который открыт (но закрыт) у каждого, тогда возникает значительное противоречие, и что с ним делать и как с ним быть – это всегда что-то запретное для размышления. Обуздание зверя, запрет зверю являться в мир тут, из того мира¹³⁶ – это древняя загадка, и «связь» всегда стремится установить или указать

¹³⁶ И всегда открытым является вопрос о том, что этот гипотетический мир там – что это? А также, он один или их много?

на связь с тем другим, точнее, с тем, откуда приходит другой, а то место, откуда приходит зверь, запрещено вначале. Но, возможно, в другие времена все было наоборот? Кто был тогда кем? Сложно сказать, что было там? И как там, в том начале происходило противостояние? Какие перипетии противостояния происходили на заре прорезания этого из того?

– *Противоречие между безумием и адекватностью*. Всегда приходится балансировать на этой грани, очень сложно понять, что из этого чем является. Человек постоянно находится на грани этого и другого выбора адекватности. И никакая адекватность не обладает никакой адекватностью, мерилom адекватности является этот явленный сейчас, и его неадекватность исчезает вместе с ним.

– *Между страхом, испугом, затем полным безразличием и геройством, с другой стороны. Между завистью и великодушием. Между жадностью и безграничным бескорыстием*. Весь словарь антонимов – все то, с чем приходится жить.

– *Все имеет начало и все имеет конец*, но понять и принять такое это какая-то сверхсложность.

– Противоречие между живым и мертвым. Противоречие между живым огнем духа и холодной физикой. Противоречие между живым духом и мертвой материей. Противоречие между живым Богом и холодным, но живым вселенским разумом стойков (Целое), и в каждом случае такая «живость» может быть объявлена огнем или чем-то другим, но чем?

– *Противостояние* Августина и Пелагия, Афанасия и

Ария. Противоречие между явленным Аристотеля и другим... (Шестов).

– *Желание уйти в сон и нежелание уходить*. Почему включенность так тяготит? Почему от нее постоянно хочется избавиться? Но одновременно включенный боится избавиться от своей включенности, он боится своего завершения¹³⁷.

...

И над всем этим веет вопрос о том, почему есть эти противоречия? Почему приходится с ними жить? Что есть эти противоречия – это какое-то реальное существование или это просто какие-то состояния? Возможно, нет никаких противоречий, а это какие-то иллюзии..., но какие?

¹³⁷ В «Маленьком принце» присутствует пьяница, который стремится оказаться в полузабытье, так как это присутствие его тяготит, но одновременно он не может и не хочет избавляться от присутствия.

3. Другие вопросы

Гул произошедшего, эхо древних разговоров

Что происходило в те далекие времена, когда рухнул какой-то очередной условно предполагаемый великий век, допустим, какой-то каменный или бронзовый век? И что нам известно о великих сражениях древних веков, каменных веков, до-веков? Что нам известно о трагедии наших далеких предков, о том, что они любили, или ненавидели? Как им жилось в том их мире, что вызывало у них радость, что их печалило, и во что они верили-не-верили?

А что в итоге известно про какие-то темные века человеческой истории, о тысячах таких веков, веков разного странного и непонятного? Что известно о взрослении духа в эти века или не взрослении, а о каком-то его присутствии? И где начало такому, кто был первым, почему он им стал? И как можно говорить об адекватности и о тех основаниях такого первого, что можно о таком предположить? И глубины сознания – это глубины истории или это одно и то же? И как можно с помощью духа проникнуть туда, туда в первое начало, куда, возможно, не проникает никакой свет или туда,

где свет давно угас?

Кто может описать историю присутствия духа с каких-то неведомых древнейших времен? Каким может быть такое описание? Как можно в чем-то описанном понять такое происшедшее? Возможно ли его понять? А если про это, про все такое нельзя ничего понять, и все произошедшее без остатка пожирает Хронос, то что остается для духа – только какое-то блуждание, какое-то безумие, какое-то вечное беспомыслие? И что о таком произошедшем может рассказать какая-то археология? Возможно ли, что любое исследование какого-то «пост» может сказать о том, от чего такое отразилось, и как такое можно адекватно понять? То есть интерпретация – это только интерпретация?

Возможно, некое неявное «эхо» «древних разговоров», «древнего произошедшего» воздействует на происшедшее, и это определяет сейчас происходящее? В уме можно удерживать радикальную мысль «об отсутствии достаточных оснований». Но при этом можно представить в каком-то ощущении, что «некие загадочные основания возможно есть», но что это??? Это предразговоры, это тотальное произошедшее, это...? Это какие-то древние события, события взросления духа, события развития духа, события бытия духа? Каждого духа, который дал потомство, а других, тех, кому не повезло, что осталось после них? Что было и есть – различное совокупное, некие истории, некие произо-

шедшие акты... Что осталось после этого, их?

Что это за «особая странность», «странность, как явное представление непредставленного», точнее, это «эхо каких-то древних разговоров», но чем является такое «эхо древних разговоров»? Как мы слышим и понимаем «такое эхо»? И речь идет не просто о каком-то обыденном произошедшем бытии, речь идет о чем-то таком, достаточно плотно сжатым в нечто после какого-то бытия. Но что есть «такое нечто»? Как можно предполагать «такое нечто» или это «какое-то ничто»? И если можно предположить, что «воздействие есть» и возможно «взаимодействие» – это «конкретное нечто».

Но почему-то, увы, «это нечто» невозможно выявить предметным способом, то есть получить о нем археологическое, достоверное знание, поэтому это и «некое ничто». И его, допустим, как «нечто-ничто», можно предположить в качестве бессознательного или, возможно, чего-то другого...

Предположим, что что-то произошло с тем, кто стал человеком сто тысяч лет тому назад или двести тысяч лет тому назад, или...? И это все, что происходило с неким родом и с человеческим родом затем, как-то отразилось в тех, кто есть сегодня. И что есть такое отражение? Как это произошедшее отразилось в мышлении и что там можно обнаружить об этом? И если прямого доступа к до-мышлению нет, а есть только вот эти какие-то выявленные остывшие формы. Прочтение, улавливание этого произошедшего вот этим опреде-

ленным образом – это и есть, возможно, вот это явленное мышление ...Экхарта, Бёме,... ну и Гёте... и других, и что стоит за этим явленным? Что прорывается через них оттуда? И что такое «прямая связь с до-мышлением» или с «тем, что находится даже за до-мышлением»?

Итак, что такое «Фауст» Гёте, что такое «Мастер и Маргарита» Булгакова, а также, возможно, и «Божественная комедия» Данте, ну и многое другое, что-то из Бодлера, Лотреамона, Лавкрафта? Или о чем говорили мистики из какого-то другого лагеря (...), лагерей (...)? Все это, все их уже явленное мышление – это примитивные мистификации? Что пытались понять, что пытались продумать и что «вскрыли» те, кто создал «такое мышление», а затем его зафиксировал в виде «особой нотной тетради», которую можно проигрывать и проигрывать?

Возможно, с человеком (или?) что-то происходило, происходило с каких-то очень древних времен и происходит и сейчас, а затем будет происходить и дальше, дальше..., пока не произойдет¹³⁸ – и это какая-то целая загадка.

Но как показать такую загадку в целом? Как о ней сказать сразу и окончательно? Как ее действительно увидеть, прозреть и, возможно, ужаснуться, а затем отвернуться, увидев там нечто очень странное, или...? Или, наоборот, удивиться, восхититься и решить продолжить путь? «Путь» «к ...»? И как «понять это противоречие» между теми, кто «хочет

¹³⁸ Что произойдет?

продолжать», и теми, кто считает, что «пора заканчивать»? И «чем является» «такое противоречие» для всего, что происходит сейчас с каждым?

Конечно, какие-то очередные мещане, склонные к упрощенному мистицизму, всегда ищут в таких особых тетрадах какую-то скрытую мещанскую тайну, которая позволила бы им чувствовать себя причастными к чему-то запретному, сокрытому. Но, возможно, на самом деле даже те, кто изобразил этот слепок понимания, то есть изложил таким конкретным образом эту тайну, даже создатели такого (возможно) не могут понять «что это?», и «что есть на самом деле эта тайна?», и «чем является это явленное им или ими изображенное?»

То есть это такой вот «гимн о происходящем произошедшем», «он звучит»¹³⁹, но «что значит»¹⁴⁰ это звучание? Что можно услышать, прислушавшись к этому гимну? И имея «чем» слышать «это», его можно каким-то образом записать, но «что говорит это записанное» «о том звуке гимна», который «постоянно звучит в ушах»¹⁴¹ тех, кто тут присутствует? Этот гимн – это не только неслышимый звук происходящего¹⁴², это и что-то другое, но что? И каждый, кто спо-

¹³⁹ Где? В ушах? В уме? В душе? В мышлении?

¹⁴⁰ Ну, значит, и? И какие последствия «такого значит» возникают после? И последствия «от вскрытия» этого звучания?

¹⁴¹ Неслышимый фон в сознании.

¹⁴² И тут шелест всех коннотаций... произошедшего, ушедшего, наступающего...

собен слышать такое неслышимое, замечать такую музыку, прислушиваясь к тому, что-то может зафиксировать... И что затем, после срывается со страниц этих записанных «тетрадей о шуме неслышимого происходящего»? Что слышит тот, кто улавливает звук гимна, срывающийся со страниц такого? Или звук гимна – это какой-то **гул произошедшего-происходящего**, а тетрадь – это примитивно-вырванная из него мелодия.

Что-то о Гурджиеве

Философия Нового и Новейшего времени абсолютно игнорирует тело и телесность, замечая только разум, ум... мышление. Но мышление никогда не в ни где, оно всегда происходит вместе с тем, что можно определить как телесность. Такое взаимодействие было замечено еще в глубокой древности, и как оно было понято тогда – это, конечно же, как всегда нечто не совсем понятное, но скорее всего, такая практика – это достаточно древняя традиция, и что-то о таком можно узнать при изучении данных прошлых веков о различных, так сказать, варварских народах.

Тут, конечно же, можно говорить о такой области воздействия на тело, то есть и на «дух» через препараты и всякое подобное. Тут можно заметить, что с древности существуют практики поста, то есть воздействие на тело, а затем на некий «дух» с помощью каких-то практик воздействия через поступление каких-то, так сказать, «элементов». Но кроме пищи, тут также могут быть практики воздействия на тело, а затем на ум через дыхание, и какие-то упражнения. Какая-то известная практика выражения такого воздействия находит свою реализацию в восточной йоге¹⁴³, и в чем-то похожем

¹⁴³ Скорее всего, это только элемент, а все остальные действия происходят в уме, и, скорее всего, телесность в каком-то смысле выступает как элемент, который необходимо проигнорировать в итоге.

другом, каком-то неизвестном...

Конечно, можно утверждать то, что практика воздействия на ум-мышление-дух – это бесполезность, это нечто очень слабое. Но исключить такую практику невозможно, каждый присутствующий может обнаружить ее присутствие. А отсутствие такой практики позволяет заметить отсутствие присутствующего в этой реальности для других в качестве телесности. То есть мысли о возможности чистого духа, чистого мышления, того, что может игнорировать «носитель» – такие мысли могут быть.

Но тут нужно заметить также, что это присутствующее может быть понято не так упрощенно, а несколько иначе, то есть определенное осознание «разницы мысли и происходящего» позволяет предположить, что телесность – это нечто более загадочное, нежели понимание его в качестве физического тела, выделенного из тотального происходящего. То есть все это тотальное происходящее, и тело, как бесконечно включенная в него часть – это все нечто загадочное и непонятное для мышления. И у мышления об этом может быть разное мышление, и чистое, и очень телесное, но только мышление? И в таком контексте взаимодействие тела и мышления – это тоже нечто непонятное.

Так вот, выяснение этой непонятности и практики такого взаимодействия – это то, чем, интересовался Гурджиев. Его танцы, его техники дыханий, его изучение Востока, а затем и попытка с помощью такого понять «дух» – это то,

«в чем» прошла его жизнь. Единственным упущением является отсутствие «известных результатов» таких исканий. То есть весь полученный опыт, все взятое с Востока и развитое кружком Гурджиева – это все фактически утрачено... И обнаруживается только явленная часть, а о его неявленной части (практиках услышивания) почти ничего не известно.

Конечно, в таком же смысле можно говорить о таком выделенном мышлении, как психология, которая игнорирует некое чистое мышление и всегда интересуется неким телесным. Сюда также можно отнести различные медицинские знания: неврологию, психофизиологию, невропатологию и так далее и различные оздоровительные медицинские практики. Сюда же – различные профессиональные гимнастики. В таком смысле можно говорить и о воинской подготовке или какой-то спецподготовке.

Но все это представленное игнорирует все то, зачем такие практики были созданы в древности. Выздоровление, оздоровление, обучение стойкости, обучение каким-то приемам или приведение ума в порядок, в какую-то достаточность, ясность, нормальность, здравость – это все побочный эффект таких практик и таких знаний.

Возможно, что основная цель таких практик – это поиски выявления некоей связи мышления (ума, духа) и тела, а также поиск возможности воздействия на дух через тело, воздействия, позволяющего каким-то образом понять «чистый» дух, а через него и того, что находится за ним, то есть

проникновения туда, на родину духа, а через это – обратное понимание всего того, что происходит сейчас тут. То есть воздействие на тело имело задачей привести дух в состояние, которое бы позволило получить какие-то практические знания-состояния для какого-то развития духа в каком-то не совсем понятном направлении.

Конец первой части